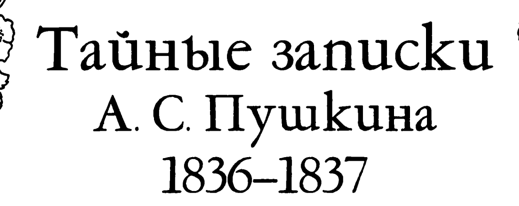

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТАЙНЫЕ ЗАПИСКИ 1836–1837

Тайные записки А. С. Пушкина 1836–1837

Перевод с французского

Публикация
Михаила Армалинского

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва

Публикация и предисловие *Михаила Армалинского*
Вступительная статья *Ольги Воздвиженской*
Оформление серии *Д. Б. Шимилиса*
На форзацах воспроизведены рисунки *А. С. Пушкина*

Текст печатается по изданию:
Пушкин А. С. Тайные записки 1836—1837 годов,
Minneapolis: M.I.P. Company (USA), 1986.
ISBN 0-916201-02-3

ISBN 5-86218-380-9

Ты вот натворил невесть что,
а отвечать кто будет? Пушкин?

Распространенная бытовая фраза

ЧЕЙ ПУШКИН?

Подобно всякому великому явлению жизни, Александр Сергеевич Пушкин за двести лет существования в культуре стал не только предметом многочисленных исследований, научных открытий, гипотез и догадок. Вокруг личности поэта, как и вокруг других героев отдаленной или недавней русской истории — от Александра Невского до Бориса Ельцина, — естественным образом сложилась некая мифология. Притом и официальные биографические «жития», и сплетни кухонного типа, как правило, ра́вно далеки от истины, которая на поверку оказывается чем-то более сложным и противоречивым, чем линейный ход жизни и деятельности героя того или иного российского мифа. Оно и понятно — любой такой герой в основе своей живой человек, а жизнь отнюдь не просто черно-белое явление.

Вот и Пушкин по-разному виделся своим современникам и потомкам. На это влияли и время и место — например, в феврале 1937 года в докладе Н. Тихонова в Колонном зале Дома Союзов на праздновании 100-летия со дня смерти Пушкина было сказано, что любовь к Пушкину, как и любовь к наркому Ежову, является формой любви к товарищу Сталину. Но в те же времена родился анекдот о двух «ворошиловских стрелках», искренне не понимавших, почему в центре Москвы стоит памятник Пушкину, хотя Дантес стрелял метче. Кроме реального Александра Сергеевича, в сознании читателя сосуществуют советизированный Пушкин Тынянова и легкомысленно-светский Пушкин «в жизни» Вересаева; М. Булгаков, сам ныне ставший классиком русской литературы, очень своеобразно отозвался устами своего героя о Пушкине в «Мастере и Маргарите»; «Мой Пушкин», — объявила со всей страстностью Марина Цветаева, но рядом с

«ее Пушкиным» почти одновременно возникли Пушкин парадоксальных хармсовских анекдотов и Пушкин набоковских комментариев к «Онегину». Две московских средних школы носят имя Пушкина, но одна (расположенная на месте дома, где родился Александр Сергеевич) получила его в 1937 году к 100-летию со дня смерти поэта, другая (современная школа-лицей с усиленной гуманитарной программой) — в 1999-м к 200-летию со дня его рождения; в обеих, естественно, ученики уделяют особое внимание жизни и творчеству поэта, но как же не похож канонизированный в период «культа личности» Пушкин 37-го года на «солнце русской поэзии», особым блеском воссиявшее над свободной Россией в 99-м. Наконец, время от времени обнаруживаются ранее неизвестные документы и материалы, проливающие новый свет на жизнь и окружение Пушкина, и каждое следующее поколение по-своему перетолковывает пушкинский миф. Ибо в том и величие Пушкина, что он остается для нас современником и его творчество актуально для России во все времена. Так чей же Пушкин наиболее «правильный»? И вообще — чей он, Пушкин? Общий. Так и должно быть, Пушкин — «наше все», и весь — наш, Пушкин общий и у каждого свой, каждый имеет право воспринимать великого поэта с той стороны, с какой он воспринимающему ближе. И вот перед нами еще одна пушкинская ипостась.

В 1986 году в США под именем Пушкина вышла книга, породившая волну откликов, не умолкающих по сию пору[1]. В «Необходимом предисловии» ее публикатор —

[1] Отклики на «Тайные записки» тогда же начали собираться Давидом Баевским и составили отдельную книгу. «Парапушкинистика» Давида Баевского за пятнадцать лет неоднократно переиздавалась и дополнялась. Для удобства читателя отклики на «Тайные записки», переписка издателей с «критиками» и комментарии Д. Баевского расположены в ней по хронологии, см.: *Баевский Д.* Парапушкинистика. Minneapolis: M.I.P. Company, 1996. Новейшие дополнения размещены на сайте издательства: http://www.mipco.com.

поэт и прозаик Михаил Армалинский — рассказывает об истории обретения им рукописи «Тайных записок», и нет нужды эту историю повторять. Советская (и не только советская) печать сразу же обрушилась на издателя с бранью разной степени злобности — от брезгливого поджимания губ до требований чуть ли не физической расправы с публикатором. Книгу, естественно, объявили фальшивкой, хотя, надо сказать, Михаил Армалинский нигде и никогда не настаивал, что это подлинный пушкинский текст. Самого Армалинского обзывали эротоманом, извращенцем, распространителем порнографии и еще по-всякому. Но самое большое возмущение вызвал сам факт того, что кто-то посмел посягнуть на «национальную святыню», которая многими понималась как национальный идол, сияющий в своей непорочной чистоте (у королев, как известно, не бывает ног, а великий поэт, видимо, не может быть наделен кое-чем другим; и на Солнце бывают пятна, но на «солнце русской поэзии» — ни-ни; и вообще, Пушкин испытывал лишь «души прекрасные порывы», *души*, а не плоти). Издатели не оставались в долгу и отругивались как умели, одновременно подзуживая обвинителей издать «Записки» на родине поэта и предоставить читателю самому судить, что к чему.

Шуму было много, что, естественно, порождало все новые волны интереса к «Тайным запискам». Окутанная ореолом запретности книга переиздавалась и переводилась на иностранные языки. За пятнадцать лет «Записки» выдержали несколько русско-американских изданий, были выпущены во многих странах, и было бы поучительно привести список целиком.

Итак, по данным на май 2001 года эта книга опубликована на следующих языках:

• русском: *Пушкин А. С.* Тайные записки 1836—1837 годов. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986. Последующие переиздания — 1989, 1991, 1993, 1994, 1995, 1997;

• английском: *Pushkin A. S.* Secret Journal 1836—1837. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986. Отрывки напечатаны

в журнале: Penthouse Forum. New York, 1991. February. P. 50–53, 84, 86;

•итальянском: Aleksandr S. Puškin Diaro segreto 1836–1837. Roma: Lucarini Editore, 1991. Отрывки напечатаны в римском журнале: L'Espresso. 1991. № 43. P. 110–112.

•немецком: Alexander S. Puschkin Geheimes Tagebuch 1836–1837. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1992. Отрывки напечатаны в немецком издании журнала «Penthouse», см.: Penthouse. München, 1992. № 9. S. 66–70;

•французском: Alexandre S. Pouchkine Journal secret (1836–1837). P.: Sortilèges Les Belles Lettres, 1994. Отрывки напечатаны во французском издании журнала «Penthouse», см.: Penthouse. Paris, 1994. Septembre. P. 64–67, 158;

•греческом: Αλεξαντρ Σ. Πουσκιν Μυστικο ημερολογιο 1836–1837. Athens: Kastaniotis Editions, 1995;

•украинском: *Пушкин О. С.* Таэмнi записи 1836–1836 poкiв // Лель Ревю. 1995. № 5. С. 26–30 (киевский журнал);

•голландском: Aleksander Poesjkin Geheim Dagboek 1836 —1837. Naarden; Vesting: Element Uitgevers, 1996;

•исландском: *Пушкин А. С.* Jatningar Pushkins. Рейкьявик: Reykholt, 1996 (имя автора набрано кириллицей на обложке и титульном листе);

•испанском: Diario Secreto de Pushkin. Mexico (D. F.): EDAMEX, 1997;

•корейском: Secret Journal 1836–1837. Сеул: Jakkajungsin Publishing C°, 1997;

•латышском: A. Puškins 1836.–1837. gada Slepenās Piezīmes. Riga: NT Klasika, 1997. Отрывки напечатаны в рижском журнале: Sexer Plus. 1997. Октябрь. № 13. С. 10–13;

•португальском: Alexandre Puchkine Diário Secreto 1836–1837. Algrés: Difel SA, 1998;

•чешском: Alexander Sergejevič Puškin Tajný Deník 1836–1837 // Speciál Cats/Sex. 1998. № 3–12. См. также: A. S. Puskin Tajny zapisky ž let 1836–1837. Praha: Concordia, 2001;

•китайском: A. S. Pushkin Secret Journal 1836–1837. Taipei, Taiwan: Unitas Publishing C°. Ltd, 1999. Отрывки опубликованы в журнале: Unitas Literary Monthly. 1999. №3/173. P. 51–83. См. также: Yalishanda Puxijin Mimiriji. Shanghai: Zhu Hai Publishing House, 1999;

•словенском: Skrivni Zapiski A. S. Puškina. Maribor: Založba Obzorja, 2000;

•литовском: A. S. Puškinas Slapti užrasčai 1836–1837 metai. Šiauliai: A. S. Narbuto leidykla, 2000;

•турецком: Gizli Günce 1836–1837 Aleksandr Sergeeviç Puşkin. Istanbul: Civiyazilari, 2000. См. также: Gizli Günlük A. S. Puşkin. Istanbul: Papirus Yayinevi, 2001.

Читатель легко заметит, что ни одного российского издания в этом перечне нет, хотя имеются переводы на языки народов бывшего Советского Союза. По недоброй русской традиции, в России (как и ранее в СССР) эту книгу ругали не читая. В новейшие времена издательства, случалось, опасались за свою репутацию или не хотели вкладывать средства в книгу, как им казалось, столь сомнительного содержания. Хотя все, кто что-либо слышал о «Тайных записках», знают, о чем они и каким, с какой стороны предстает читателю ее главный герой. Но со временем среди потока ругани стали все чаще раздаваться призывы опубликовать эту книгу как образец жанра. И отрывки из нее, зачастую в искаженном виде, начали появляться то в периодике эротической направленности, то в молодежной прессе, то в альманахах так называемой альтернативной, возвращенной, диссидентской литературы. К сожалению, почти все эти публикации волей-неволей оказывались пиратскими.

А время шло. Миновала перестройка, все прочнее укоренялись в сознании и жизни свобода печати и слова, все чаще выходили в свет сочинения на ранее запретные темы и с ранее запретной лексикой. Уже десять лет существует и пользуется читательским успехом серия «Русская потаенная литература». Пора «Тайным запискам», относящимся, несомненно, к русской *потаенной* литературе, обросшим за пятнадцать лет собственной мифологи-

ей, прийти к российскому читателю. И вот они у нас в руках.

Не будем вдаваться в дискуссию — автор ли этого текста А. С. Пушкин или только литературный герой; а если автор не Пушкин, то кто; так или нет было все на самом деле; на балу или в борделе познакомился русский поэт с французским офицером, каковое знакомство оказалось столь роковым. Но нужно признать, что изображение внутренней жизни мужчины, борьбы между страстями и нравственными установлениями, размышления о природе любви, творчества, греха, наслаждения, жизни, смерти и судьбы — все это делает «Записки» не столько свидетельством эпохи, сколько документом человеческой души, и их исповедальный тон, их предельная откровенность как нельзя более соответствуют сложности самой темы.

А тема действительно непростая. Не Советская власть запретила публичное — устное и письменное — обсуждение интимных вопросов, в частности аспектов чувственности и телесных удовольствий. К сожалению, в стране, некогда принявшей христианство византийского толка, склонной ко всяческому умерщвлению плоти (даже вступать в дозволенный сексуальный союз — венчаться — в период Великого поста запрещалось), вся эта сторона человеческой жизни сводилась в лучшем случае к формулировке «беса тешить», а в худшем — именовалась «блудодеянием». Оттого и литература, прямо скажем, не уделяла сколь-нибудь доброжелательного внимания столь естественным человеческим потребностям, считая все это низким, постыдным и недостойным. Даже конкретных примеров приводить не надо — каждый человек, мало-мальски знакомый хотя бы лишь с хрестоматийными произведениями отечественной словесности, знает, что чувственность всемерно ею осуждалась. А ведь сама литература, печатное слово, в России однозначно воспринималась как учебник жизни. Неизменная черта русской культуры — цензура, «управа благочиния» — на деле лишала человека даже просто слов, с помощью которых можно было бы назвать и объяснить что-нибудь из сфе-

ры, относящейся к так называемому «низу». Оставались только всем известные, но числившиеся неприемлемыми слова, да и те объявлялись привнесенными на Святую Русь иноверцами. Что-то начало меняться на рубеже XIX – XX веков с новыми веяниями в искусстве, но тут случился Октябрьский переворот, упрочивший тиранию, традиционно присущую российскому православному мироустройству.

Однако свято место пусто не бывает. И вакуум, образующийся на месте официальных умолчаний, заполняется мифом. Каждая национальная культура рождает свой сексуальный миф. Он может быть самым разным, существенно изменяться в зависимости от контекста, но всегда сохраняет некие универсальные черты. Одна из них – принадлежность некоему времени, прошедшему по сравнению с моментом рассказывания мифа. Уже во времена самого Пушкина полулегендарный Иван Барков воспринимался как литератор предыдущего поколения. «Пиковая дама», написанная в николаевской России, полна ностальгии по галантным временам Екатерины II. Поздний роман А. Куприна «Юнкера» упоминает о том, как юнкера конца XIX века бережно хранили, передавая от старших курсов к младшим, списки нецензурных сочинений – «юношеских грехов» Лермонтова; эти тексты, вероятно искаженные при многократном переписывании, почитались юнкерами как часть традиции военного обучения и славы русского оружия. Цикл анекдотов о Чапаеве (не реальном начдиве, погибшем в Гражданскую войну, а герое фильма братьев Васильевых), его простоватом ординарце Петьке и блудливой, готовой всегда, на все и со всеми Анке-пулеметчице достиг пика популярности в 70-е годы XX века, воплотив тоску брежневско-андроповского общества по простоте нравов «военного коммунизма». А самый известный из современных героев русского сексуального фольклора – поручик Ржевский, герой войны 1812 года, как явствует из «Гусарской баллады» (советского фильма, от реального содержания которого поручик давно отделился в массовом сознании). Но не о боевых подви-

гах гусара повествуют все эти анекдоты[2]. Примеры можно множить и далее, но проявления такого рода национальной мифологии однотипны. Причем тенденция обозначилась не только в устной традиции (например, в анекдоте), но и в писанной словесности. Так, например, «Лука Мудищев» известен в огромном количестве письменных и опубликованных вариантов, то же относится и к нецензурным эротическим переделкам «Горя от ума», «Евгения Онегина», «Демона» и прочих великих произведений русской литературы.

Потребность в сексуальном мифе и сексуальном герое при всеобщей российской неудовлетворенности в этой сфере — не на деле, но в мыслях — весьма велика во все времена. Так мог ли пушкинский миф обойтись без этой темы? И мог ли Пушкин, самая яркая личность в русской истории, не стать объектом пристального внимания на предмет своей интимной жизни — и, как следствие, героем сексуального мифа? Свою роль, конечно, сыграла и «двоякая» божественность образа Пушкина: официозное посмертное прославление поэта при всех российских режимах и — редкий случай «симфонии» народа и власти — единодушное всенародное признание божественного величия таланта нашего героя. Пушкинский гений — явление сверхобычное, непостижимое для простого смертного: «Кто знает, что такое слава? Какой ценой купил он право, возможность или благодать?..» Дар творца, присущий одному лишь Богу, выводит Пушкина за рамки обыденной жизни, и потому божественная степень его поэтического дара требует, соответственно, от своего носителя из ряда вон выходящих качеств и в прочих сферах. Мы знаем, что Аполлон — бог, повелитель муз, но и Приап тоже бог, Пушкин же — божественный Абсолют русского культурного мифа, и вполне естественно, что в его

---

[2] Очевидная слава поручика Ржевского на сексуальном поприще эксплуатируется в современном рекламном бизнесе, который всегда ориентирован на мифы массового сознания. Недавно выпущены в продажу отечественные презервативы марки «Гусарские» — вероятно, со шпорами?

образе гармонично слились аполлонические и приапические черты.

И еще — миф рисует нам Пушкина как вечного оппозиционера, бунтаря, певца Вольности и одновременно — любителя всяческих вольностей, потому неудивительно, что на обывательском уровне свободолюбивый дух претворяется в неутомимый либертинаж. И в полном соответствии с античной схемой мифа — Пушкин в творчестве и в жизни сверходарен, неутомим, богоравен, но в то же время и уязвим, как были уязвимы Ахиллес и Геракл (недаром «Записки» обрываются накануне дуэли, исход же ее известен). «Тайные записки» — не единственное произведение, в коем Пушкин предстает носителем выдающихся мужских стáтей. Например, опубликован «Донжуанский список Пушкина». До сих пор не менее, чем творческая история написания тех или иных пушкинских стихотворений, занимает исследователей и читателей вопрос: кому из знакомых поэту дам эти стихи посвящены? И что за «чудное мгновенье» случилось у поэта с Анной Керн? Изменяла ли ему венчанная жена Натали с императором? А с Дантесом? Были ли у Пушкина незаконные дети от крепостных девок? И где территориально — в Михайловском или в Болдине? Отсутствие привычки говорить на подобные темы спокойно и обоснованно лишь подогревает жадный интерес. А ностальгия по прошлому, по безвозвратно ушедшему «золотому веку» придает пушкинскому мифу особую притягательность («Где ты, наша юность, где ты, наша слава, — золотое время крепостного права?»). Потому и книги, подобные «Тайным запискам», почти что обречены на сенсационный успех. Кроме того, сенсационность усиливается еще одним мифом, гласящим, что буде книга запрещена советской цензурой и ругаема в официальной советской печати, то уж наверняка в ней написана если не правда, то нечто весьма и весьма интересное. Это не всегда верно: книги запрещались по самым разным поводам и просто на всякий случай, «как бы чего не вышло» — но какое дело мифу до истины?

Очень может быть, что «Тайные записки» представля-

ют собой литературную мистификацию, в чем для истории литературы нет ничего необычного, — и сам поэт Александр Сергеевич Пушкин выступал как публикатор наследия покойного прозаика Ивана Петровича Белкина, «автора повестей»; а другой раз вывел самого себя в третьем лице под инициалом — латинской литерой Р. — в «Романе в письмах». И если «Записки» — мистификация, то мы не собираемся ни ее разоблачать, ни вставать на ее защиту. Но книга, имеющая столь бурную историю, так явно выразившая срез пушкинского мифа, свойственный именно нашему непростому времени — концу прошлого века — и именно неподцензурной русской ментальности (как и многие другие интеллектуалы, Михаил Армалинский в 70-х годах минувшего столетия эмигрировал из СССР), такая книга должна быть издана в России, дабы стать наконец доступной нашему современнику и соотечественнику. Хотя бы для того, чтобы перестать быть сенсацией, ибо сладок только запретный плод, а откусишь от него — и, не ровен час, вкус познанного добра и зла может показаться горьким. Пример тому — тот же «Лука Мудищев», почти двести лет ходивший в списках или печатавшийся тайно и ограниченным тиражом, после научной, комментированной, общедоступной публикации ныне привлекает внимание лишь историков литературы да искушенных любителей жанра. Была легенда — теперь это просто литературный памятник. Кроме того, о чем уже было сказано, «Записки» представляют интерес и сами по себе, безотносительно к вопросу о своей подлинности, являясь в своем роде образцом столь редкого для родной литературы жанра. Вот мы и взяли на себя задачу, не ища скандальной популярности, просто поставить точку в многолетней дискуссии, которая без наличия доступного текста была зачастую лишь сотрясанием воздуха. А читатель сам разберется, что это за книга — поношение ли великого поэта или еще один камешек в основание «нерукотворного памятника».

При подготовке «Тайных записок» к изданию состоялась весьма интересная переписка с американским издательством «M.I.P. Company» и самим Михаилом Арма-

линским. В результате публикатор и правообладатели согласились на мелкую стилистическую правку (в частности, заменены инициалы героев — русские на латинские, уточнена пунктуация и сделаны еще некоторые незначительные изменения), но сама книга в точности воспроизводит американскую публикацию 1986 года, неоднократно тиражировавшуюся как по-русски, так и в переводах на другие языки. Что же до содержания, духа эпохи, достоверности фактов, оправданности языка «Записок» (а если верить «Необходимому предисловию», текст является переводом зашифрованного французского подлинника, ныне безнадежно утраченного), то за все это отвечает автор, кем бы он ни был. Многажды разруганные, обвиненные во всех смертных грехах, разобранные исследователями по косточкам, «Тайные записки», мы надеемся, начинают новый этап своего многострадального бытия — в России. Вероятно, и это издание в серии «Русская потаенная литература» вызовет споры, нападки или восторги, новый виток практической «парапушкинистики». Но как сказал некогда сам герой «Тайных записок»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспоривай глупца».

Ольга Воздвиженская

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1976 году я решил эмигрировать в Америку. Чтобы собрать деньги на отъезд, я стал распродавать свою библиотеку.

Ко мне в комнату потекла череда друзей и знакомых, а потом и чужих людей, желающих купить мои книги. Однажды ко мне пришел старый и благообразный человек. Он представился как знакомый моего знакомого, имени которого я не мог припомнить. Впрочем, в то время я уже и не заботился, кто ко мне приходил, главное было — чтобы он купил книги.

Мой гость назвался Николаем Павловичем. В глазах его жил свет давних времен, который с годами не слабеет, а усиливается. Николай Павлович выбрал несколько книг по русской истории, но, узнав цену, купил только одну. Он сказал, что у него нет с собой больше денег и что он зайдет завтра вечером забрать остальные книги. Он пришел, как и обещал, и мы разговорились. Я предложил ему выпить чаю; он с радостью согласился.

Его белые зубы звонко ударялись о чашку, и он смущенно объяснил, что еще не привык к новому протезу.

Николай Павлович прямо спросил меня, собрался ли я уезжать. «Если отпустят», — сказал я. Он заметно оживился, узнав о моем намерении, и уже беззвучно обращался со второй чашкой чаю.

В разговоре выяснилось, что он живет один, неподалеку от меня, в коммунальной квартире. По профессии он историк, и предмет его исследований — первая половина XIX века. Когда я рассказал о себе, он попросил меня дать почитать мои стихи. Я дал ему несколько листов. Он не стал читать стихи при мне, а свернул листы в трубочку, засунул их во внутренний карман пиджака и сказал, что будет читать их дома. Мне это понравилось. Он мне вообще нравился. Не по годам стройный и подвижный, он мог сойти за мужчину средних лет, если смотреть на него со спины. Только лицо, шея и кисти рук не оставляли сомнений в его возрасте.

Через несколько дней Николай Павлович опять пришел ко мне, и мы допоздна говорили о поэзии. Он спросил, собираюсь ли я взять с собой свои рукописи. Я сказал, что попытаюсь переправить их через голландского посла. И тогда он попросил передать послу его рукопись. На мой вопрос, о чем эта рукопись, он предупредительно заверил меня, что в ней нет ничего антисоветского и что это — дневниковые записки конца тридцатых годов прошлого века. Записки эти были зашифрованы, и Николай Павлович работал над их расшифровкой много лет. Особую сложность составляло то, что записки были написаны по-французски, за исключением отдельных русских слов и выражений, но безупречное знание языка помогло Николаю Павловичу довести дело до конца и, расшифровав, перевести все на русский язык.

Я поинтересовался, чьи это записки, но он ответил, что пусть это будет для меня сюрпризом,

если я соглашусь передать их голландскому послу. Я согласился.

Николай Павлович решил принести записки вечером накануне моего отъезда в Москву — тогда я уже получил разрешение и носился по городу, добывая различные справки, необходимые для получения визы.

— А почему бы вам не попытаться издать записки здесь? — наивно спросил я его. — Ведь, если они представляют исторический интерес, их могут опубликовать — полтора века обезопасят любые события.

— Заблуждаетесь, молодой человек, — возразил мне Николай Павлович, — вне зависимости от того, сколько веков прошло, кумир — если он все еще кумир — остается неприкосновенным.

Николай Павлович опаздывал, и я уже отчаялся его увидеть. У подъезда стояло такси, которое должно было отвезти меня на Московский вокзал. До отхода поезда оставалось меньше часа. У Николая Павловича телефона не было, адреса его я не знал, и я уже решился уходить, как раздался звонок в дверь. Это был он. В руках он держал папку с тесемками. Он тяжело дышал — лифт был сломан и ему пришлось взбираться на пятый этаж. Я положил папку в сумку, и Николай Павлович проводил меня до такси.

— Я позвоню вам. Бог в помощь, — сказал он, прощаясь со мной.

В такси я с жадностью раскрыл папку: на первой странице было выведено крупными буквами: «А. С. Пушкин. Тайные записки 1836 — 1837 годов». Я перевернул страницу — почерк был такой

мелкий и витиеватый, а в машине было так темно, что я ничего не мог разобрать и решил прочитать записки в поезде.

Мое место было на нижней полке. Напротив меня оказалась толстая баба с лицом профсоюзной активистки. На верхних полках тоже залегли чьи-то тела.

Поезд отправился без опоздания. Я взял сумку и стал протискиваться в туалет, в надежде почитать там. Но огромная очередь не предвещала спокойного чтения. Я вернулся в купе: свет был уже потушен и все спали. Мой ночник не работал, и я решил отложить чтение – уже было за полночь, поезд прибывал рано утром и день предстоял тяжелый. Я думал, что у меня будет время почитать записки до открытия голландского посольства[1].

Но, подъезжая к посольству, я увидел длинную очередь, вдоль которой прохаживались милиционеры. Я встал в очередь и понял, что лучше никуда не отлучаться, если я хочу сегодня попасть на прием к послу. А читать в очереди я не рискнул.

Когда посольство наконец открылось и подошла моя очередь войти в кабинет посла, меня осенила мысль о странных совпадениях: записки Пушкина я получил от тезки Николая Первого,

---

[1] В 1976 году эмигрировать из СССР можно было только в Израиль. Однако в то время дипломатические отношения между СССР и Израилем были прерваны, и интересы Израиля в Советском Союзе представляла Голландия. Поэтому для того, чтобы получить израильскую визу, надо было явиться на прием в голландское посольство в Москве. *(Примеч. автора.)*

и передаю я их через голландского посланника, которым когда-то был злополучный Геккерен, для отправки на Запад, куда Пушкин безуспешно мечтал попасть...

На заученную по-английски просьбу — переправить мои рукописи — посол ответил вялым отказом. Тогда я решил оставить сумку с рукописями и записками, будто по забывчивости. Я поставил ее на пол рядом с креслом, на котором сидел, и задал послу какой-то вопрос, чтобы отвлечь его внимание. Потом я догадался, что он прекрасно понимал мои намерения.

Я попрощался и направился к выходу, в страхе, что меня окликнут и попросят забрать сумку. Но никто меня не окликнул.

В Ленинград я возвращался налегке, освобожденный от груза своего и чужого творчества. Мне не терпелось увидеть Николая Павловича, чтобы взять у него копию записок и прочесть их без помех. Но Николай Павлович мне не позвонил и ко мне не зашел. У меня же не было ни времени, ни возможности разыскивать его, не зная ни фамилии, ни адреса. Да и до отъезда у меня оставалось всего несколько наполненных суетой дней.

...Через год после моего приезда в Америку я получил пакет со своими рукописями и записками Пушкина. Я сразу принялся за чтение записок и, признаться, был ошеломлен степенью откровенности в описании интимных подробностей.

Я знал, что известные дневниковые записки

Пушкина заканчиваются 1835 годом, что существует легенда о его записках последних месяцев, которые он якобы завещал опубликовать не ранее, чем через сто лет после его смерти. Я читал истории об охотниках за этими записками и о преступлениях, совершенных ими, чтобы заполучить добычу.

Однако не надо было быть пушкиноведом, чтобы заметить, что записки, оказавшиеся у меня в руках, весьма далеки от пушкинского языка и стиля. Я объясняю это тем, что Николай Павлович переводил с французского и не обладал талантом стилизатора. Может быть, это даже к лучшему, что записки были написаны по-французски: перевод позволил внести современные интонации в повествование, приближая его к современности.

Так Шекспир, речь которого становится все более чужой для каждого нового поколения английских читателей, в России по-прежнему современен, ибо язык его постоянно освежается новыми переводами. Каким бы прекрасным ни был язык писателя, он старится и умирает, и только идеи, изъявленные писателем, продолжат жить вместе с человечеством, возрождаясь в новой плоти переводов и пересказов. Посему не язык писателя, а его идеи будут стимулом для перевода его произведений в будущем. Не парадоксально ли, что наступит время, когда Шекспира в подлиннике будут читать только редкие лингвисты, а восхищаться им будут иноязычные читатели по новым переводам, и, чтобы сохранить интерес к нему на его родине, Шекспира придется пересказать английским языком будущего. Рус-

ским примером может служить «Слово о полку Игореве», которое читаемо только в пересказах-переводах.

Вот почему французский язык записок Пушкина позволит им звучать современным русским языком не только сегодня, но и всегда.

Естественно, что после прочтения записок у меня появилось множество вопросов, которые мне бы так хотелось задать Николаю Павловичу: где оригинал записок и как они попали ему в руки? каким шифром они были зашифрованы? не являются ли эти записки подделкой? знает ли кто-нибудь, кроме Николая Павловича, о существовании записок?

И наконец, вопрос, который я задал себе: нужно ли публиковать эти записки?

Между тем я перепечатал их на машинке на случай, если придется записки кому-нибудь показать. Это было весьма предусмотрительно, так как я вскоре уехал в командировку, и рукопись Николая Павловича непонятным образом пропала из моей квартиры. К счастью, моя машинописная копия хранилась отдельно от оригинала, и она осталась лежать на прежнем месте.

Это событие заставило меня серьезно задуматься о публикации записок. Я опасался показывать их кому бы то ни было, так как чувствовал их «взрывоопасность» и понимал, что, если записки попадут к недобросовестному человеку, он издаст их без моего ведома.

Я опасался также и того, что при издании их подвергнут «нравственной цензуре», чтобы не «опорочить» святое имя, ибо Пушкин — кумир не

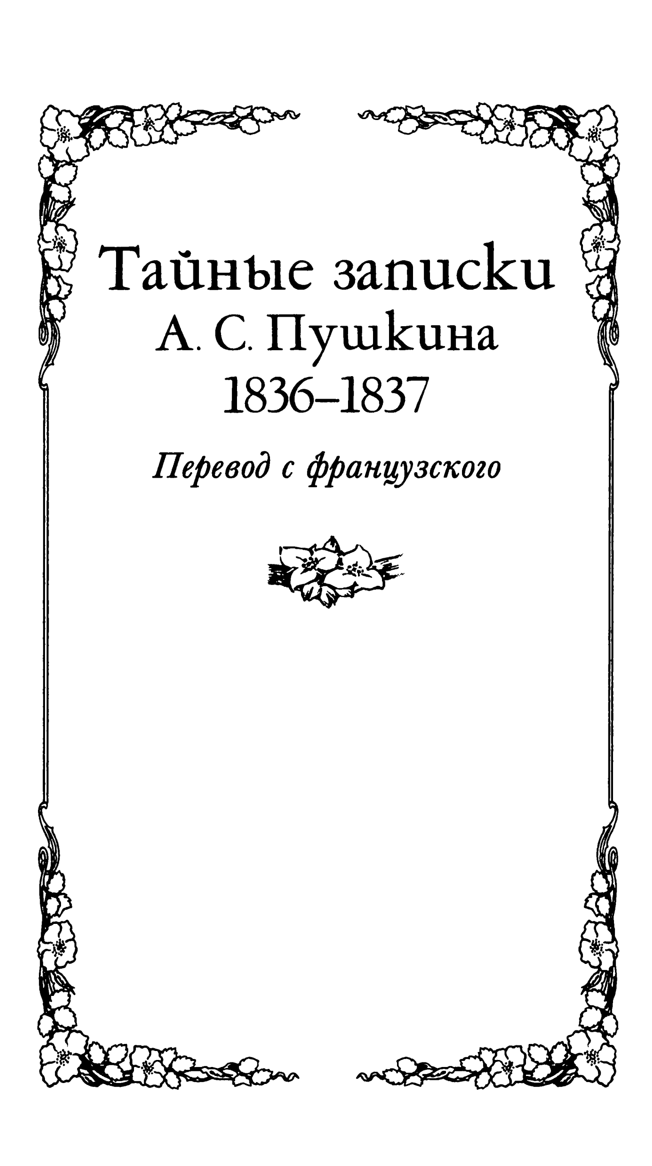
только в СССР, но и для всех почитателей русской литературы на Западе.

Однако после долгих размышлений и сомнений я все-таки решил издать рукопись, полученную от Николая Павловича.

Литературная репутация Пушкина настолько крепка, что его личная репутация пошатнуть ее не может, но зато обещает стать замечательным пособием для изучения человеческой природы, которая благодаря своей неизменности роднит нас как с прошлым, так и с будущим.

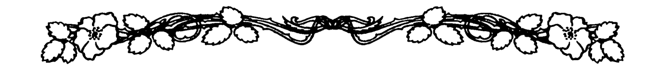
Михаил Армалинский

Миннеаполис, 1986

Тайные записки А. С. Пушкина 1836–1837

Перевод с французского

Моей жене посвящаю

* * *

Судьба сбывается — я вызвал Дантеса на дуэль. Не это ли насильственная смерть от светловолосого, которую предсказала мне немка. И я чувствую власть судьбы — я вижу, как она сбывается, но ее нельзя предотвратить, ибо бесчестие страшнее смерти.

Бесчестие — это буря, выросшая из ветра, мною посеянного. Она уничтожает меня. Дантес стал возмездием судьбы за мой слабый характер. Вызвав Дантеса, я уподобляюсь Иакову, боровшемуся с Богом. Если за мной победа, тогда я опровергну Божии законы и Пизда беспрепятственно воцарится в моих небесах.

Современники не должны знать меня настолько, насколько я позволяю дальним потомкам. Мне следует беречь честь N. и детей, пока они живы. Но я не могу удержаться, чтобы не поведать свою душу бумаге, и в этом есть неизлечимая болезнь сочинительства. Болезнь часто смертельная, ибо современники убьют меня за откровение души, за истинное откровение, если они проведают о нем. А потомки уже ничего не смогут со мной поделать, не только со мной, но и с моими праправнуками, ибо отдаленность во времени делает самые предосудительные поступки

всего лишь историей. В отличие от настоящего, история не опасна или оскорбительна, а лишь занимательна и поучительна.

Я не желаю уносить в могилу мои грехи, ошибки, терзания — слишком они велики, чтобы не стать частью моего памятника.

Лет через двести, когда цензуру в России упразднят, напечатают первым Баркова, а потом и эти записки. Впрочем, не могу я представить себе Россию без цензуры. А значит, издадут их в Европе, но скорее всего — в далекой Америке. И жутко знать наверное, что меня тогда не только в живых не будет, но кости и те сгниют.

Я смотрю на свою руку, пишущую эти строки, и пытаюсь представить ее мертвой, частью моего скелета, лежащего под землей. И хоть это будущее неопровержимо, у меня не хватает фантазии, чтобы вообразить его. Достоверность смерти, единственная непререкаемая истина — труднее всего укладывается в наше сознание, тогда как всевозможная ложь принимается и признается легко и бездумно.

* * *

Смерть Дельвига была страшным знаком того, что последняя часть предсказания немки начала сбываться. Тогда я этого еще не понимал, но теперь все предстает значительным и завершенным. Кольцо, оброненное во время венчания, и потухшая свеча бесповоротно убедили меня, что из женитьбы ничего хорошего не выйдет. В конечном счете мы сами себе предсказываем судьбу.

Чтобы совсем не упасть духом, я утешал себя предвкушением брачной ночи, первых радостей обладания N. и молил Бога продлить их как можно дольше в моей семейственной жизни.

Жажда полного счастья влекла меня к женитьбе. Именно женитьба представлялась мне всеисцеляющим лекарством от моего беспутства и тоски. Это была попытка убежать от себя, не способного измениться, не имеющего характера стать иным.

N. была моей роковой удачей, которую я выторговал у ее матери, пожертвовав приданым и наделав долгов. После помолвки, поджидая день свадьбы, я придумывал, как я изменюсь и как изменится моя жизнь, когда я дам клятву верности, ибо я искренне намеревался соблюдать ее.

Раньше я и по пяти женщин имел на дню. Я привык к разнообразию пизд, женских повадок в ебле и всему, что отличает одну женщину от другой. Разнообразие сие не давало моим страстям задремать, и постоянная погоня за ним составляла суть моего бытия.

Когда я впервые увидел N., я понял, что случилось неотвратимое. Желание немедленно обладать ею было таким сильным, что мгновенно превратилось в желание жениться.

Это случалось со мной и раньше, но никогда с такой силой, никогда я не чувствовал такого восторга от своей избранницы. Когда мое предложение было наконец принято, я на правах жениха ухитрялся оставаться с N. наедине. Я обнимал ее и, водя рукой по грудям, царапал ногтем по платью там, где должны были быть соски, и скоро мой ноготь начинал об них спотыкаться.

N. краснела, но руки моей не отталкивала, а лишь шептала: «Не надо, маман может увидеть».

Мать ее — порядочная блядь, злобная оттого, что, кроме конюхов на Полотняном Заводе, ее никто ебать не хотел. Она была не прочь подставить себя, но мне, конечно, было не до нее. Она всячески притесняла своих дочерей, держа их как в монастыре. А я глядел на сестричек и подумывал превратить их монастырь в свой гарем. Я, жених, укорял себя за такие греховные мысли, но избавиться от них было невозможно.

Я обожал мою монашенку и шаг за шагом планировал превращение ее в искусную развратницу. Но моим планам не дано было осуществиться, и, наверно, за это я люблю N. по сей день.

Наш медовый месяц пролетел в сладостной учебе: я учился языку, на котором говорит ее тело, а N. училась откликаться не только на мой язык. Мое упорство и ее прилежание все чаще доводили N. до восторженных стонов, звучащих для меня как музыка.

Обладать идеальной красотой, которая вдобавок досталась тебе девственной, — это самое большое счастье, что выпадает на долю мужчины. Острота его так велика, что длиться долго оно не может. Когда я погружался в мою новорожденную жену, смыкая объятия, чувствуя ее шевеление, еще не выросшее из-за стыда в поддавание, и слыша ее горячее дыхание у моего уха, я испытывал состояние торжества, которое мог испытывать только Бог в момент творения.

* * *

Сколько радости было для меня вести N. по извилистым тропинкам в саду сладострастья. Когда я впервые поставил ее на четвереньки и предо мной открылись две дольки ее солнечной жопки, ноги ее оказались слишком длинными для меня, и мне пришлось подняться с колен, чтобы достичь пизды. Я сказал ей, чтобы она прогнула спину. N. замешкалась и, вместо того чтобы прогнуться, выгнулась дугой. Я расхохотался ее святому неведению, и она удивленно обернулась на меня, как оборачивается корова, когда к ней подходишь сзади. Я положил руку на спину моей Мадонны и нажал вниз, указывая, что от нее требовалось. N. послушно повиновалась и, ощутив, зачем это было нужно, рассмеялась сама, не ведая, что смех вызывает конвульсии в пизде. Я потом пытался научить ее сжимать мне хуй, не смеясь, а по моему указанию, но она бездарна как любовница, и мне приходится щекотать ее или заставлять кашлять, чтобы ее пизда ожила. Кончает она только один раз за ночь и, кончив, больше ничего не хочет. Для жены это ценное свойство, она не докучает похотью, когда хочешь спать. Но поначалу я ее щекотал изрядно.

Я все время чувствовал, будто обманул природу: я, карлик с лицом обезьяны, обладаю богиней. И оценить, насколько я хорош в любви, она не может, потому что для этого нужно сравнение, упаси Бог.

В те первые дни мы договорились не утаивать даже самых сокровенных мыслей друг от друга.

Я прекрасно понимал, что мне этот договор не выполнить, но я хотел воспитать в N. чувство необходимости делиться со мной своими мыслями и желаниями. Главное — не гневаться, что бы она мне ни рассказала. Иначе впредь она будет бояться быть откровенной. Следуя сей заповеди, я изо всех сил крепился, чтобы не выказать бурю негодования или ревности.

N. приняла близко к сердцу наш договор, и на мой вопрос, какие были у нее любовные приключения, она повинилась. Когда ей было лет четырнадцать, она с матерью и сестрами была приглашена на бал во дворец к государю. В какой-то момент она затерялась среди гостей; к ней подошла красавица фрейлина и прошептала на ухо, что государь хочет, чтобы ему представили N. Моя девочка затрепетала от страха и покорно пошла за фрейлиной. Та привела ее в кабинет, где в кресле сидел государь. Фрейлина представила N. и удалилась, оставив ее стоять посреди сумрачного кабинета. Государь встал с кресла, пересел на диван и усадил рядом с собой N. Он задавал ей вопросы, а тем временем задирал ей платье все выше и выше. N. не смела пошевелиться и старалась исчерпывающе отвечать на вопросы. Когда венценосный развратник раздвинул ей ноги, N. почувствовала, как «волны жара стали захлестывать» ее — так она описала свое состояние. Но вдруг в дверь кто-то постучал. Государь поднялся, оправил платье на N. и вышел из кабинета. Через минуту явилась фрейлина, которая привела N., и отвела ее обратно в залу, где танцевали гости.

Мать уже стала волноваться исчезновением

N., но когда фрейлина объявила ей, что N. была представлена государю, успокоилась и лишь с подозрением посмотрела на дочь. Та была так возбуждена случившимся, что мать дома позвала ее к себе и спросила, оставалась ли N. с государем наедине. N. ответила, что да, в кабинете никого, кроме них, не было, но государя куда-то позвали, и они не успели ни о чем поговорить. «Ах ты, лгунишка!» — как можно спокойнее сказал я, опасаясь, что N. услышит скрежет моих зубов. Но женка ответила, что она не любит лгать и, мол, все, что она сказала матери, было правдой, а мать ей больше вопросов не задавала.

Когда Коко стала фрейлиной, я запретил ей переезжать жить во дворец, чем еще больше обозлил к себе государя.

N. была смущена деньгами, которые подарил ей к свадьбе государь, и я запомнил это. Когда мы переехали в Царское Село, она всячески избегала встречи с государем, выбирая уединенные места для гулянья. Но, гуляя вокруг озера, мы все-таки встретились с царствующей четой, и императрица пригласила N. во дворец. Дома N. стала жаловаться мне на то, как ей не хочется появляться в свете. Это мне показалось подозрительным, и я вытянул у нее вышеописанное признание.

О порочной невинности государевых страстей я знавал давно от фрейлины, которую я лечил еблей от нервных припадков. Так что признание N. не было для меня новостью, я знал, чего добивался, когда спрашивал ее. Мне просто не хоте-

лось узнавать, что и моя жена была его «живой картинкой». Государь дал великую клятву верности государыне и потому не ебет никого, кроме нее. Но чтобы как-то причаститься к неприкосновенным красотам окружающих его дам, он приказывает им раздеваться и раздвигать перед ним ноги. Упиваясь открывшимся зрелищем, он дрочит и спускает на лоно красавиц и, так и не прикоснувшись к ним, покидает их. Государыня знает об этом, но не считает, что таким способом клятва нарушается.

Если многие фрейлины страдают от «невинности» отношений с государем, то N. заверяет меня, что она только счастлива.

Она тогда боялась возобновления царских посягательств. Я утешил ее, посоветовав сказать государю, будто я такой ревнивый, что дал страшную клятву убить всякого, кто хотя бы увидит ее пизду. Она потом заверяла, что ей вскоре представился случай, и она передала это царю в ответ на его желание уединиться с ней, и якобы с тех пор он больше не заговаривал об этом. Я знаю, что он боится меня, но как он будет счастлив, если я помру. Сукин сын!

Я тогда уже, в глубине души, жалел о навязанном N. договоре откровенности, но я приготовился принимать все приятные и неприятные последствия соблюдения ею этого договора. Неведение мыслей своей жены грозит рогами, а это мне омерзительно и невыносимо. Уж я-то попользовался неведением мужей и любовался их свежевыросшими рогами, еще не видимыми никому, кроме меня.

Раз, когда я хотел опять утвердить свою власть над телом моей красавицы, она сказала:

— Я хочу поверить тебе еще одну сокровенную мысль.

— Что же это за мысль? — насторожился я.

— Я не хочу больше, я хочу спать, — сказала она устало.

Я облегченно расхохотался.

— Ты спи, а я возьму тебя спящую.

На том и порешили. Я еб ее похрапывающую, стараясь не разбудить. Вот она, спящая красавица, которая от поцелуев не просыпается. Вот она, не сказка, а быль.

* * *

Однажды мы с ней побились об заклад, что она кончит, даже когда ей совсем не хочется. Мне ли не ведомо, как у женщины нежелание быстро переходит в желание, когда знаешь свое дело. Для N. на первых порах сиюминутное безразличие было таким очевидным, что ей было не представить, как легко оно может бесследно рассеяться.

Я дал ей выпить шампанского, а потом продержался полчаса, коих хватило для нее, чтобы завыть от воспрянувшего сладострастья. Как я обожал ее в эти мгновения неудержимых восторгов!

Когда она шла в нужник, я увязывался за ней, и, хоть она сперва наотрез отказывалась оправляться в моем присутствии, я не оставлял ее одну и мольбами, поцелуями и безвыходностью ее положения заставлял уступить сначала по малому, а потом и по большому.

Запахи и звуки, ею издаваемые, все, что из нее исходило, наполняло меня вожделением. Меня всегда поражало превращение богини в смертную женщину, но не в постели, а в нужнике. В постели многим женщинам удается какое-то время продержаться богиней, но за дверью нужника волшебство исчезает, и я избавляюсь от чрезмерного благоговения, которое часто мешает властвовать над женщиной.

У красавиц в свете вся их сила в иллюзии божественности, которую так сладостно развеять своей бесцеремонностью. О великое и прелестное знание! При взгляде на самую недоступную красавицу ты твердо знаешь, что у нее между ног и куда и зачем она удаляется из залы.

Будучи лет шести, я увидел в книге изображения обнаженных богинь. Я трясся в предвкушении, глядя на их сомкнутые колени и поистине божественные округлости бедер. У меня шумело в голове от восторга. Но в то же время я отчетливо ощущал, что от меня утаено нечто исключительно важное. Пизденка Оли, которую она с готовностью показывала по моей просьбе, не связывалась в моем воображении с тайной взрослого женского тела. Я чувствовал, что у женщин должна быть Пизда, но мне никак не приходило в голову, что для того, чтобы разглядеть ее, женщине надо развести колени. Когда передо мной впервые распахнулись женские чресла, я прежде всего схватил подсвечник и развеял мрак. Я увидел лицо Истины и в то же мгновенье понял свое предназначение — служить этому Божеству, поселившемуся между женских ног, и воспеть чув-

ства, которые оно вызывает. Женщина может казаться богиней, но только потому, что во всякой женщине прячется настоящая Богиня – Пизда.

* * *

Когда я был холост, ничто не обременяло меня, кроме желания счастья, безуспешное стремление к которому делало меня несчастным. Мне стало казаться, что женитьба на юной прекрасной девушке с добрым сердцем принесет мне желанный покой и волю, которые и есть счастье. Но, увы, жизнь дает либо покой, либо волю, и никогда вместе. Покой наступает при безропотном смирении, но тогда в нем нет места для воли. А воля толкает меня на нескончаемые приключения, а в них – какой уж покой?

Но несмотря на здравый смысл, предназначение женитьбы разгорелось во мне и вспыхивало ослепляющим огнем, как только предо мной появлялась юная красавица. Я был готов жениться немедля на ком угодно, лишь бы с ней было не стыдно появляться в свете. Оленина и Соф. не захотели иметь мужем сумасшедшего. У N. не было иного выхода. Так Бог послал мне испытание.

* * *

Я убеждал себя, что женился хладнокровно и что мой опыт охранит меня от бесплодных надежд и наивных заблуждений. Но мои понятия о женитьбе были холодной теорией. Нельзя понять

чувства — их можно только прочувствовать, ибо только чувство способно задеть сердце и только сердце — обогатить ум. Весь мой опыт являлся опытом любовника, а не мужа.

Моя страсть к N. не продлилась и двух месяцев. Я знал, что страсть быстротечна, но меня никогда так не удручала эта известная истина, потому что впервые она была отнесена к моей жене.

По прошествии первого месяца на меня уже не нападала радостная дрожь предвкушения, когда N. раздевалась передо мной. Через два месяца я уже выучил ее наизусть как любовницу и она больше ничем не удивляла меня: я знал наперед, какие движения она произведет, каким голосом застонет, вцепившись в меня, и как вздохнет она в облегчении.

Ее запахи не заставляли меня бросаться на нее как прежде — я перестал замечать их, будто они были мои. Дух немецкого сыра меня волновал больше, чем ее запах.

Потому что напоминал мне о других женщинах.

* * *

Я заблуждался, думая, что могу вылепить из N. что хочу. Нет, таланту научить нельзя, с ним нужно родиться. Точно так же нужно родиться для любви, а N. рождена для кокетства. То, что я называю изощренностью, она называет развратом. Способность к любовным содроганиям — это еще вовсе не любовный талант. Талант в любви проявляется в желании настолько силь-

ном и легко возбудимом, что брезгливость и стыд исчезают совершенно. Женщины, талантливые в любви, попадают к ней в рабство. Они — прекрасные любовницы, но негодные жены. Оказывается, и здесь нужно выбирать: между прекрасной женой и прекрасной любовницей. Для брака мой случай — наилучший, ибо, имей я жену, которая талантлива в любви, а значит, дурную жену, мне было бы невозможно восполнить недостаток таланта жены на стороне. Найти же талантливую любовницу на стороне не составляет труда.

Я понимал, что для женитьбы темперамент N. самый удобный. Будь у нее всеядный голод Z. или R., она меня бы уморила. Но не прохлада N., а мое безразличие к ее телу — вот что оскорбляло меня. Мое сердце не могло смириться с тем, что я могу лежать с обнаженной N. и заснуть, не желая овладеть ею. Это было невозможно, немыслимо для меня ни с одной женщиной, а N. — самая красивая из всех моих женщин — оскопила меня. Я бесстрастно смотрел на нее и думал, что, окажись сию минуту на ее месте любая женщина, пусть даже некрасивая, я бы набросился на нее с похотью, которую N. уже никогда во мне вызвать не сможет. И злоба закипала во мне на N., и еще сильнее тянуло меня на других женщин.

Новизна тела сильнее любви, сильнее красоты, но я не желал, чтобы она оказалась сильнее моей верности жене.

* * *

Я старался, чтобы N. поскорее забрюхатела. Первые месяцы нашего брака, до того как в N. влюбился свет, она изрядно тяготилась своим досугом. Я учил ее играть в шахматы, дал ей читать «Историю» Карамзина, но это нагнало на нее еще большую скуку, зато дурацкие французские романы она могла читать подолгу и с детским увлечением. Однажды я прочел ей пару своих пьесок, но она прослушала их с таким равнодушием во взоре, что я боле не решался докучать ей своей поэзией, а она и не спрашивала.

Самое большое удовольствие она получает от новых тряпок и от комплиментов ее красоте. Это меня умиляло и ничуть не огорчало. Я знал, что, когда пойдут дети, она будет занята настоящим делом. Покамест она могла заниматься вышиванием, а я – наблюдать за ее красивым личиком, которое приносит мне удовольствие уже более эстетическое, чем эротическое.

Половина моей жизни, связанная с поэзией, была безразлично отвергнута N. Оставалась другая половина – любовь, в которой острота ощущений исчезла, а потому страсть уступила место нежности. Но только в остроте ощущений мы находим упоение.

Я, гордившийся своей славой любовника не менее, чем славой поэтической, я в семейственной жизни не находил места для своего поприща. N. тешила мое тщеславие своей красотой,

добротой и невинностью. Но невинность постепенно превратилась в кокетство, доброта — в сентиментальность, а красота стала для меня привычной и потому незаметной. Только когда все восхищаются красотой N., я испытываю гордость, которая, увы, все чаще превращается в ревность.

В первый раз в моей бурной жизни я стал изо дня в день засыпать и просыпаться с одной и той же женщиной. Сладость новизны всегда быстро теряла для меня свою прелесть, и я, не задумываясь, менял любовниц или прибавлял к одной другую. Я с прискорбием понимал, что женатому человеку так поступать не подобает.

Разница между женой и любовницей в том, что с женой ложатся в кровать без похоти. Потому-то брак и свят, что из него постепенно вытесняется похоть и отношения становятся или дружескими, или безразличными, а часто и враждебными. Тогда обнаженное тело уже не считается грехом, потому что не вводит в соблазн.

Иногда я испытывал успокоение, тихую радость, глядя невинно на мою Мадонну (ведь только так и надо смотреть на Мадонну). Похоть становилась малой частью нашей жизни, большей частью было наше сожительство, полное забот и мелочей; сожительство, оскопляющее страсть. Пизда N. непростительно, но неизбежно стала восприниматься мною как должное.

Я смотрел на кинжал, мирно висевший на стене, и думал, что и мне больше не видеть «любовного боя», не чувствовать запаха горячей крови.

* * *

Меня стали преследовать фантазии, и это было делом рук дьявола. Перед моим мысленным взором проходили женщины, которых я имел в разные периоды моей жизни. Особенно меня мучили воспоминания о тайных оргиях у Z.

Став ее очередным любовником, я выеб ее семь раз в первую ночь. Она сказала, что кончила за это время раз двадцать, но ничуть не устала. Z. была из тех женщин, чье желание никогда полностью не удовлетворяется, а лишь приспосабливается к возможностям любовника. Я признался, шутя, что не отказался бы от помощников. Она серьезно ответила, что хочет их тоже и как можно больше. Так из любовника я стал сводником, о чем давно мечтал.

Я с юности обнаружил в себе жажду наблюдателя и в борделях искал случая подглядывать за парочками, а при благоприятных обстоятельствах и присоединяться к ним с моей сиюминутной подружкой.

Z. мечтательно призналась мне, что в ней сокрыто столько возможностей, что она легко представляет себя со многими мужчинами одновременно. Но она решила начать с двух. Мы договорились, что на балу Z. укажет мне на улана, которого она приметила, но с которым не была знакома. Я должен буду предложить ему повеселиться втроем на Каменном Острове. Имя ее, конечно, я должен был сохранять в строжайшей тайне. Чтобы улан не узнал ее, она встретит нас голая и с маской на лице. Она не произнесет ни слова, чтобы голос ее не был узнан, и при необ-

ходимости она будет говорить только со мной, шепча мне на ухо.

Когда я сказал улану, что красавица, пожелавшая остаться неизвестной, хочет провести время с ним и со мной, мне стоило немалого труда успокоить его нетерпение, чтобы дождаться назначенного часа. Я взял с него слово, что все останется в тайне и что он согласится покинуть дачу по первому требованию. Прислуга была отпущена, и мы прошли в спальню по плану, который мне начертила Z. Я постучал условленным стуком в дверь и распахнул ее. У кровати горела одинокая свеча, которая освещала полулежавшую Z. Ноги она развела навстречу нам. Хитроумная маска делала ее лицо неузнаваемым, но открывала необходимое: рот, ноздри, глаза.

Мой помощник – я буду звать его А. – произвел звук, напомнивший радостное ржанье. Мы быстро скинули наши одежды и бросились на Z. утолить первый голод.

Через час она дала мне знак, что нам пора уходить. На обратном пути А. восторгался содеянным и старался угадать, кто это была. Я лишь ухмылялся и напоминал ему о данном мне слове не пытаться узнать имени нашей любовницы.

На следующий день я чуть свет явился в дом к Z., чтобы с ней по косточкам разобрать наше приключение. Но вместо радостных восклицаний я услышал лишь укоры, что А. думал только о себе, а я не следил за ним, и в результате мы действовали не слаженно, как ей хотелось, а порознь. Главным для нее было, чтобы ритм наших движений совпадал. «Я хочу чувствовать, – сказала Z., – что меня ебет один умелый мужчина со

множеством хуев, а не кобели, только и думающие, как бы побыстрее кончить».

Я оскорбился, но она заверила меня, что, говоря «кобели», она имела в виду не меня, коего она чтит прежде всего за еблю, а уже потом за стихи, но других мужчин, о которых она и хочет поговорить.

Тут она зарделась, но не от стыда, а от желания, и сказала, что хочет еще одного. Только теперь я должен взять на себя обязанность – руководить, задавать ритм остальным, а они должны будут подчиняться. Подчинение моим указаниям будет еще одним условием их участия в оргии, помимо сохранения тайны.

Z. разработала детальный план. Сколько горячего сока (живо представил я) ушло у нее на обдумывание всех важнейших мелочей. Она дала мне указания, как она хочет расположить всех участников. Первый будет лежать на спине, и она сядет на него; второй должен пристроиться со спины и заполнить ей зад, а я встану перед ее ртом. Я, как дирижер, должен руководить ритмом остальных, подавая им пример ритмом собственных движений.

Если Z. захочет, чтобы мы двигались быстрее, она сожмет зубами мой хуй один раз. Если ей захочется замедлить наши движения, она сожмет его два раза. Мы с ней тут же отрепетировали эти знаки. Чтобы избежать попыток со стороны мужчин завязать с ней разговор, после того как все кончат, она покинет нас, и мы должны будем уйти. На этот раз свидание было назначено в особняке ее родственницы, которая вместе с семьей уехала в поместье. Мы должны были рас-

положиться в гостиной и запереть двери, ведущие в нее. Расчет был на то, что, если кто из слуг вдруг появится, они подумают, что Z. опять устроила вечер. Слуги привыкли, что Z. часто приглашала гостей на вечера и вела себя как хозяйка дома.

Третьим участником был выбран приятель А. — назову его К. Они всегда появлялись вместе на балах и считались неразлучными друзьями. Z. выбрала его, чтобы избавить А. от соблазна рассказать о своем приключении К. и чтобы оба друга были связаны одной тайной.

На ловца и зверь бежит — я встретил А. на следующий день на Невском. Он первым делом спросил, как поживает наша общая знакомая и не желает ли она опять повеселиться. Я сказал, что она хочет, чтобы к нам присоединился К.

— Он-то обрадуется, но хватит ли всем места? — заволновался А.

— Твоя фантазия не может состязаться с ее возможностями, — успокоил я его.

Вскоре мы собрались втроем в кондитерской, чтобы договориться о порядке совместного служения Венере. Я объяснил основное условие гробового молчания и предупредил, что на этот раз они должны будут ехать с завязанными глазами — Z. опасалась, что они могут узнать, кому принадлежит особняк, а это наведет на ее след. Потом я отругал А. за его эгоизм и начертал план их будущего поведения — полное подчинение моим командам, следование моему ритму. К. хихикнул, но его одернул А., начавший понимать, что ожидается не просто очередное приключение, а редкая возможность: принести жен-

щине огромное наслаждение. «И главное, — опять повторил я, — не пытаться узнать, кто она, ибо светские завистницы не простят ей наслаждений, которые им недоступны».

Войдя в гостиную, мы увидели Z., лежащую на ковре. На ней было надето длинное платье из тончайшего шелка, сквозь который отчетливо проступали формы ее ненасытного тела. Маска открывала жадный полуоткрытый рот. Она встала, заперла за нами дверь и приветствовала каждого из нас, жадно лизнув в губы, а потом, вставая перед каждым из нас на колени, облизывала хуй. Делала она это как настоящее приветствие, не задерживаясь ни на одном из нас, не давая никому увлечься, а лишь удостовериваясь, что хуи стоят крепко на ногах. Мы разом поскидали одежды, и Z. сбросила с плеч платье, переступив через него, как через последнее препятствие.

Мне пришлось напомнить разгоряченному К. о его обязанностях, и он послушно опрокинулся на ковер. Z. занесла над ним ногу и умело оседлала его. Она поманила к себе А. Он подошел; его хуй, натянутый, как струна, подрагивал. В руках у Z. оказалась баночка с мазью, которой она густо смазала его. Потом Z. протянула баночку мне и согнулась над К. Ягодицы у нее были небольшие, и их не пришлось раздвигать — чуть вздутое отверстие открыто просило о хуе. Я жирно смазал, протолкнув мазь в плотную горячую глубину. Z. в благодарность сжала мой палец. Надо мной в нетерпении дышал А. Я, следуя нашему плану, вынужден был уступить ему место и переместиться к ее рту. А. плавно проскользнул в нее, и она раскрыла рот от вкушенного ощущения и в

то же время приглашая меня. Z. ухватила губами мою дирижерскую палочку и дала указание исполнять наше любовное произведение медленно.

— Не забывайтесь, братишки, следите за мной, — окликнул я их, — и не вздумайте кончать, покамест наша дама сердца не кончит.

Мои партнеры заверили меня, что не бросят нашу возлюбленную на полпути. Z. подняла на меня затуманенные блаженством глаза и улыбнулась с полным ртом.

Мы по пути в экипаже пополоскались шампанским, и это делало нас выносливыми.

Стал подступать конец. Z. начала вскрикивать, и вот она, дав мне почувствовать свои сахарные зубки, стала двигаться быстрее, и мне уже не пришлось командовать — они стали засаживать ей, обрадовавшись дозволенной скорости. Z. громко воскликнула, будто вдруг прозрела, и застонала, но стон ее прервался моим концом и необходимостью проглотить мое семя. А. и К. излились одновременно со мной.

Когда мы разомкнулись и К. выполз из-под нее, Z. повалилась на ковер, безжизненно, будто тело ее лишилось остова, коим были наши хуи. Я смотрел на нее как на наше общее творение. Время от времени по всему ее телу пробегала судорога.

Z. пришла в себя через несколько минут, грациозно поднялась с ковра и дала мне знать, что нам пора уходить. Мы нехотя, но быстро повиновались.

У выхода я снова завязал им глаза и усадил в поджидавший нас экипаж. Извозчик смотрел на меня со страхом. К. пытался снять повязку до

того, как я ему разрешил, и я пригрозил, что, если он мне не повинуется, это будет бесчестным поступком, ибо он мне дал слово повиноваться, и я его вызову на дуэль, причем стреляться мы будем немедля. К. понял, что я не шучу, и ждал, пока я не разрешил ему снять повязку. Он даже стал философствовать, что самое благородное, что может мужчина сделать для женщины, – это доставить ей наибольшее наслаждение, и он не в состоянии представить себе более рыцарский поступок, чем совершенный нами.

Я спросил моих собратьев, что можно сделать, чтобы наслаждение, полученное нашей возлюбленной, стало еще сильнее. А. предложил установить зеркала на стенах и на потолке, как он видел в одном из борделей. К. предложил пригласить цыган, чтобы они пели в соседней комнате. А я сказал, что вижу место еще для двух собратьев: мы будем в тех же позициях, а они лягут слева и справа от нее, головами к ее ногам. Они станут сосать ее груди и чесать пятки, а она будет им дрочить. Тот из нас, на котором она будет сидеть, будет руками подпирать ее в плечи, так как руки ее теперь будут заняты.

К. и А. загорелись. Стали думать, кого взять в помощники. Это должны были быть непритязательные юноши, которые были бы удовлетворены такой «невинной» ролью. Мы, естественно, не хотели поступаться ее горячими внутренностями, несмотря на наше рыцарство.

А. вспомнил о своих двух племянниках пятнадцати и четырнадцати лет, которые, он уверен, девственники и которые согласятся на все, что сулит сближение с женщиной. Мы договорились,

что я предложу это нашей даме сердца, а вернее, даме наших сердец.

Когда я рассказал об этом Z., она улыбнулась и поведала, что не зря избрала меня в сводники, ибо я прочел ее мысли. Она призналась, что фантазия о пяти хуях не дает ей ни минуты покоя и что сегодня она собиралась просить меня поделиться ее телом с еще двумя. «Я знаю, что тебя не убудет, со сколькими бы я тебя ни делил», — сказал я и поцеловал ее в пизду.

Мы разработали очередность — сперва мальчикам дать по груди и пусть присосутся. Щекотать пятки они начнут по моему знаку, когда все остальные займут свои места в ее сокровенных глубинах. Для разнообразия мы решили поменять местами А. и К. Я оставался на своем дирижерском месте.

Z. умоляла меня следить, чтобы маска не сползла с ее лица, если она потеряет сознание. В прошлый раз она была очень близка к этому. И хотя я всегда утверждал, что женщина может, если захочет, преодолеть свое обморочное состояние, то теперь я видел, что это может быть превыше ее сил.

На этот раз мы должны были ждать ее появления в квартире, которую она снимала для тайных свиданий. Она дала мне ключ. Я всем сказал, что это моя квартира, которую я держу для своих тайных свиданий. И эта ложь была так сладка, ибо они завидовали мне.

Квартира располагалась во флигеле двухэтажного дома и состояла из гостиной, столовой и спальни. На столе красовались пять бокалов и пять запотевших бутылок шампанского, только

что вынутых кем-то из ледника. Мы осушили три.

Нам было велено ожидать в гостиной. Я в этой квартире раньше не бывал и неожиданно почувствовал острый приступ ревности. Было мгновенье, когда я захотел в отместку раскрыть всем имя Z., но мне удалось овладеть собой.

Мы расселись в креслах и на диванах, поспешно вливая в себя шампанское — льда мы не нашли и не хотели дать шампанскому согреться. Потом мы не выдержали и заглянули в спальню. Спальня была заполнена огромной круглой кроватью, предназначенной явно не для сна. Окно закрывала занавеска, сквозь которую легко просвечивало солнце. В гостиной у окна стоял клавир. Один из племянников А. стал играть веселую мелодию, но пальцы его заплетались от шампанского. Другой племянник, что был постарше, старался скрыть в одеждах стоящий хуй, но он выпирал через ткань, когда тот в нетерпении прохаживался по комнате. Я поднял тост за женщину, которую все мы так страстно ждем.

— Разве будет только одна? — удивился старший племянник.

— Это такая женщина, которой хватит всем, — мудро ответил ему дядя.

Мы не рассказывали подробности мальчикам, а лишь обещали, что устроим им любовное приключение. А. сказал их матери, что берет мальчиков на прогулку.

Младший допил свой бокал и хотел наполнить его снова, но К. не позволил.

— Ты что, хочешь проспать свое любовное свидание? — спросил он.

Довод подействовал, и юноша снова заиграл на клавире. Но вдруг он оборвал мелодию, и мы услышали звук подъезжавшей кареты. Все бросились к окну. Из кареты вышла Z. На ней была такая густая вуаль, что лица не было видно. Ярко-голубое платье обнимало идущее к нам божественное тело. Через несколько мгновений дверь открылась, и я вышел навстречу Z. в прихожую.

Z. откинула вуаль, явив мне красоту своего лица, которую даже маска не могла скрыть. Z. говорила мне, что даже если бы она не боялась, что ее узнают, она все равно была бы в маске, потому что в ней она чувствует себя независимой от всяких приличий.

— Все с нетерпением ждут вас, — сказал я.

Она кивнула мне и прошла в спальню. Я стал помогать ей избавляться от одежды, но она шепотом сказала мне, чтобы я шел в гостиную, а она стукнет два раза в стенку, когда нам можно будет появиться.

В гостиной все стояли в напряженном ожидании.

— Ну, как? Идем? — спросил К., расстегивая рубашку.

— Еще немного терпения, друзья мои, и мы окажемся в раю.

По моему предложению мы разделись донага, чтобы не тратить время на раздевание, когда нас позовут. Мальчики стыдливо остались в нижнем белье, зачарованно уставившись на наши стоящие хуи.

Тут мы услышали два призывных удара в стенку и ринулись в спальню.

Дневной свет, проскальзывая сквозь занавеску, явил нашим очам приветствующую нас пизду. Мы бросились покрывать тело жадными поцелуями. Но Z. отстранила нас и поманила к себе трепещущих юношей, скромно стоявших у двери. Она освободила их от остатков одежд. Из-за страха мальчишки были нетверды в своих намерениях. Z. по очереди облобызала им хуи, которые тотчас воспряли, и мальчики запыхтели. Она уложила их на кровать и устроилась между ними, упираясь на локти и держа в каждой руке по хую. А. заполз под нее и поднял руки, на которые Z. оперлась плечами. Я засунул племянникам в рот по груди и приказал: «Сосите не останавливаясь!» К. тем временем намазывал хуй мазью, нацеливаясь в ее выгнутую навстречу жопу.

— Смажь хорошенько, — предупредил я его, вспоминая наставления Z.

— Это я так, на всякий случай, у нее уже тут скользко — сама позаботилась. Ну, с Богом, — сказал К. и, притянув ее к себе, он вмял живот в ее зад.

Я взял руку каждого из племянников и положил на пятки Z.: «Чешите и сосите», — дал я им последнее наставление.

Z. всхлипнула и вцепилась в мой хуй. «Ладно ебем, вместе», — время от времени приговаривал я, чувствуя покусывание Z. и замедляя свои движения.

Мальчишки то и дело забывали чесать, увлекаясь собственными ощущениями, и я напоминал, шлепая их по плечам. Z., не желая, чтобы они быстро кончили, не дрочила искусно, как она это умела, а лишь сжимала хуи в кулачках. Но это

не очень помогло — один застонал и стал подкидывать бедрами в жажде движения, которого Z. умышленно его лишала. Она быстро оторвалась от меня и приникла к мальчику, не дав пропасть и капле. Следом за ним закорчился и его братец, и Z. быстро повернулась к нему, уже в воздухе словила ртом плеснувшую первую каплю и накрыла все остальные. Мальчишки сразу потеряли интерес и отпали от грудей, и мне пришлось прикрикнуть на них. Они устало принялись опять сосать и чесать.

Z. вернулась ко мне, не отпуская из рук обмякшие хуечки. Тут пришло ее время, и она завыла и захлестнулась нами троими. Мне казалось, что наши три хуя встретились где-то в середине ее утробы и уперлись друг в друга.

Мы сидели вокруг Z. и смотрели на нее, бесчувственно лежащую на животе, с одной ногой, подогнутой под себя. Из пунцовой пизды медленно вытекало семя и стекало по ляжке на простыню. Я развел ей ягодицы, чтобы насладиться зрелищем в полной мере. Мы успели усмотреть последние конвульсии ее задней дырочки, окруженной нежными припухлостями сладострастья. Мальчики, плохо соображая, что происходит с нашей любовницей, в испуге посматривали на нас, умиротворенных и гордых собой мужчин. Младший протянул руку и пощекотал ей пятку. Z. отдернула ногу и раскрыла глаза. Она махнула рукой, давая знак, что нам пора уходить.

Вечером того же дня я и Z. смаковали наши ощущения. Ее муж, как всегда, был в клубе, и мы предавались свежим воспоминаниям, зажигаясь от них и перемежая их с объятьями.

Z. не выносила щекотки, но, когда она приняла три хуя, щекотание пяток подавлялось более острыми ощущениями и представало дополнительным штрихом в красочной картине нашего соития.

Семя, излитое ей в зад, действовало на нее как клизма, и она восхищалась еще одним благотворным влиянием любви, которое так сладостно спасает от запоров.

Она уверяла меня, что может следить за ощущениями каждого хуя: чувствовать приближающийся конец одного в то время, как другой только начинает заливать ее нутро, а третий уже обмякает, исторгнув последнюю каплю. Причем, если концы отделены друг от друга мгновениями, эти мгновения растягиваются для нее в бесконечность. Именно поэтому ей было необходимо, чтобы мы двигались ритмично, иначе она теряла единство ощущений.

После таких преданных стараний принести женщине исчерпывающее наслаждение я решил подумать и о себе, благо с помощью денег это было просто. Будучи холостым, я не боялся репутации развратника, а, наоборот, воспринимал ее как комплимент. В борделе я взял пять блядей и, щедро заплатив, наказал им делать, что я скажу. Первую я положил на спину и встал над ней раком, развернув пиздой к лицу. Она заглотала мой хуй и раздвинула пальцами свои опушенные губки, обнажив похотник. Две другие улеглись по бокам и сосали мои соски, а я запустил пальцы в их жирные пизды. Четвертая легла под меня сзади и лизала мне яйца, а пятая, стоя на коленях, лизала мою сраку. Последней пришлось доплачивать. Я вдруг представил на ее месте старую императрицу, которая

увидала меня стоящим раком перед дворцом в Царском. И я кончил, смеясь. В хуе и в яйцах образовалась сосущая пустота удовлетворенности. Тогда я вкусил, насколько это было возможно для мужчины, что ощущала Z. Одно злило меня — мы делали это для нее с радостью и считали себя счастливцами. Кроме нас, нашлось бы множество кобелей, жаждущих поебать сообща такую сучку. А я должен был платить деньги и видеть, как бляди делали все через силу. Попасть бы в женский монастырь или к женщинам, сидящим в остроге, — к изголодавшимся женщинам, но так, чтобы и убежать вовремя можно было, а то ведь заебут до смерти. Нет, с моей рожей никогда мне не иметь вдоволь прекрасных баб. А хозяйка борделя жаловалась, тыча в меня кривым пальцем, что я развращаю ее девочек, и грозилась не пускать меня на порог ее дома. Но девочки вошли в мое положение и потом сами клянчили деньги, предлагая повторить все снова, но по секрету от хозяйки.

Вот какие картины вставали перед моими глазами, когда я обнимал N. Часто я представлял ее на месте Z., и острая ревность, перемешанная с не менее острым наслаждением, исторгала мое семя, принося краткое успокоение от этих фантазий. Я отгонял фантазии о Z. как наиболее оскорбительные для N., и старался заменить их на «невинные» — я представлял себя одного, ебущего одну женщину.

Бывало, сижу у себя в кабинете и стараюсь писать, но мысли улетают к чужим женщинам, их пизды являются перед моими глазами, и желание загорается во мне. И никогда в этих мечта-

ниях не было пизды N., которая была так рядом, так прекрасна и так желаема всеми, кроме меня.

Когда в такие разгоряченные мечтами минуты N. входила в кабинет, мое желание вдруг бесследно исчезало. Но чтобы прекратить удручающие меня видения, я заставлял себя кончить в N. Мне всегда приятно и радостно на нее смотреть, но она перестала влечь, волновать меня. Я смотрю на нее как на произведение искусства, поистине как на Мадонну, с единственным изъяном — мозолями на пальцах ног.

N. стала для меня лишь средством для избавления от фантазий. Другими словами, я еб жену не для удовольствия, а чтобы остаться ей верным.

Но избавиться от фантазий удавалось на недолгий срок: прибитые судорогами, они скоро выпрямлялись, как трава после дождя. Утраченное разнообразие возмещалось видениями садящихся на меня женщин: те, у которых пизда ближе к жопе, чтоб раскрыть пизду, растягивают себе руками ягодицы, а те, у которых пизда вдали от жопы, раскрывают пизду спереди, растягивая губки. Вот где проявляется женская индивидуальность.

* * *

Когда-то я думал, что божественные конвульсии — цель любви. Нет, если бы это было так, верность не была бы таким тяжелым бременем и жена всегда бы сполна удовлетворяла мои желания. Но дело не в конвульсиях, которые можно достичь и дрочкой, а в раскрывании тайны пизды. Тайна пизды, которая перестает волновать от еженощного общения с женщиной, не

исчезает и не раскрывает себя до конца, а переселяется в других женщин. Или иначе — у всякой пизды своя тайна, и, раскрыв одну, вовсе не значит, что ты познал всю Тайну. Вот получил желанную пизду, и кажется, что словил Тайну за хвост, ан нет, она выскальзывает из приевшейся пизды и смотрит на тебя из другой. Единственное, что возвращает Тайну в ее законное место, — это разлука, и жена опять становится желанной, но... на одну ночь, а потом пресыщение возвращается на свое не менее законное место.

* * *

В декабре я не выдержал и сбежал в Москву. Я говорил себе, что разлука вернет мне страсть к N. Но разлука должна быть в одиночестве, а не в окружении цыганок, которых позвал Нащокин. Расстояние не только освежило страсть к N., но и заставило меня забыть о клятве верности. Когда Оленька подошла ко мне, вся моя страсть, возродившаяся для жены, обратилась на нее, ближайшую женщину. Она показалась мне первой женщиной в жизни, настолько свежими были мои чувства. Пизда опять смотрела на меня божественным взором.

Но, насытившись ею до дна, я стал жадно мечтать о N. Окажись она тогда рядом, я бы с новорожденной страстью бросился бы и на нее. N. отдалилась от меня, почужела и поэтому сразу возжелалась с новой силой. Это не было для меня открытием, я испытывал это по отношению к другим женщинам, но я почему-то убеждал себя, что изведанные законы не должны отно-

ситься к моей жене, и поэтому, когда все повторилось с ней, я понял, что теперь моя похоть польется на каждую подвернувшуюся женщину.

Так я снова бросился на блядей. Те из них, что прослышали о красоте моей жены, укоряли меня, как же я к ним хожу от такой красавицы. Где им было понять, что красота не спасает от пресыщения, что разнообразие — это единственное, что поддерживает во мне жизнь. Кобели, влюбленные в N., гневно или недоуменно смотрят на меня — как это я могу хотеть какую-либо бабу помимо моей красавицы жены. Многие писали ей записки, что готовы отдать жизнь за ее благосклонность. Мы с N. посмеивались, читая их. Но если бы влюбленные знали, как быстро проходит восторг и как по нему начинаешь тосковать, ибо, познав его, невозможно свыкнуться с его исчезновением.

Есть глубокий смысл в том, чтобы пожертвовать жизнью ради единственного обладания красавицей и тем самым избежать наступления безразличия, столь оскорбительного для недавней страсти. Смерть — это самый надежный способ сохранить верность своей возлюбленной. Я теперь понимаю причину самоубийства Ромео и Джульетты. Они действовали по наитию, без понимания, но цель была та же — не изменить возлюбленной даже после ее смерти, что невозможно для молодого, красивого и живого тела.

* * *

Я наблюдаю за своими чувствами и над влиянием, которое оказывает на них привычка. Первые недели после свадьбы были заполнены бесконеч-

ным сладострастием. Все в N. возбуждало меня — я терял разум от желания, когда чувствовал запах пота ее подмышек, сладкую вонь газов, исходивших из ее живота, душок мочи, смешанный с ароматом пизды, когда видел кусочек говна, который прилип к волосикам в жопе, кровь месячных, размазанную по бедрам после долгих соитий.

В N. не находилось ничего, что могло бы вызвать во мне отвращение. В теле все прекрасно, если в нем все вызывает страсть. А чем сильнее желание, тем меньше оно признает брезгливость. Но через месяц, удрученный привычкой, когда N. случайно перднула в постели, я не бросился ее ебать, а спокойно повернулся на другой бок. Чувства мои дремали, притупленные привычкою.

Я помню ту первую ночь, когда мы легли в постель и уснули, не поебясь. До этого мы не пропускали ни одной ночи. С тех пор это стало случаться чаще и чаще.

* * *

Теща моя после свадьбы слишком часто являлась в гости. Она смотрела на меня со злобной похотью. N. призналась мне, что мать учит ее не давать, если я не делаю того, что N. хочет. N. держала слово быть со мной откровенной, и это давало мне надежду, что ее душа всегда будет открыта и близка мне.

Тещу я однажды подловил в темном углу и прижал к стенке. Она замерла, ожидая, что же я буду делать дальше. Какое-то мгновенье я хотел залезть к ней под платье, не из желания, а из

дерзости. Впрочем, желание могло быстро прийти на смену дерзости, и мне не хотелось себе этого позволять. Я сдержался и сказал, что задумал:

— Сударыня, я должен вас огорчить: то, о чем вы мечтаете, не произойдет, — и я демонстративно от нее отстранился, — я увожу N. в Петербург и в гости вас не приглашаю.

Переезд в Царское Село был большим облегчением для N. и для меня. Мы стали жить в спокойствии — без нудных родственников и без надоедливых знакомых.

Посещение Лицея толкнуло меня на воспоминания, которые вызвали бы у N. приступ ревности, если б она узнала о них. Тогда, еще верный N., я размышлял, является ли мысленная измена истинной изменой. Я пришел к выводу, что мои жадные воспоминания изменой не являются, ибо мой любовный опыт делает мечтания ничтожными по сравнению с ним самим. У N. — наоборот, если она мечтает о ком-либо другом, она изменяет мне, ибо знает только меня. Иными словами, мои мечты рождаются моей памятью, над которой я не властен, а ее — развратными мыслями сегодняшнего дня, которым она намеренно дает волю.

Вскоре, когда я перешел Рубикон и начал изменять N., я перестал мучиться этим вопросом и простил все ее возможные фантазии, моля Бога, чтобы только наяву она мне не изменила. Но самое страшное, что нам не дано знать, верна ли нам жена. Я никогда не узнаю, что делает N., когда я не вижу ее. В верность можно лишь верить. Когда моя вера слабеет — является дьявол ревности, и никакие доказательства верности не

могут помочь, потому что в любом доказательстве разум находит несовершенство. И только возвращение веры в сердце изгоняет ревность. Но, увы, ненадолго.

* * *

Я напоминаю себе Отелло: тоже негр и тоже не ревнив, а доверчив.

* * *

Я с теплом и радостью вспоминаю мой недолгий период верности моей женке — он был хорош тем, что освобождал меня от волнений: появится ли утром, после посещения нужника, жжение в хуе.

* * *

Я ревную всякую красивую женщину, потому что я люблю всякую красивую женщину. А красива любая женщина, которую хочешь. Если женщина остается красивой после того, как ты в нее кончил, значит, она поистине красива. N. — поистине красива, ибо я давно перестал ее хотеть, но не перестаю любоваться ею.

* * *

Верность — это борьба с соблазном быть неверным. И мне не хватило сил в этой борьбе. Почувствовав, что потакание своей слабости ведет к беде, я стал уговаривать N. уехать жить в дерев-

ню. Я знал, что мне не устоять перед соблазном, а уединение держало бы меня у письменного стола. Когда же похоть возгоралась бы во мне, рядом была бы только N. Дворовые девки не в счет.

Но она с ее вялым темпераментом, расшевелить который мне всегда стоило немалых усилий, находила сильнейшее наслаждение в кокетстве, абсолютно для нее безопасном, как уверяла она. Ее пьянит власть собственной красоты, которая ставит перед ней на колени самых могущественных мужчин в Петербурге, включая и государя. По своей благопристойности и доброте она не пользовалась красотой в корыстных целях, а лишь играла ею, как ребенок.

Если бы она лишилась постоянного преклонения, у нее бы пропал смысл жизни. Ничто иное, даже дети, для нее не столь важны. Нет, здесь я переборщил – дети у нее все-таки на первом месте. После рождения Машки N. так расцвела, что от каждого следующего ребенка она ожидала прибавления красоты, а значит, и усиления вожделенных чар. Но нет же, я не хочу быть язвительным к моей женке. Я люблю ее, просто пытаюсь отомстить ей за собственную слабость.

Впервые изменяя ей, я знал, что разрываю узы, восстановить которые невозможно. Я себя уговаривал, что, ебя блядь, жене не изменяешь. Но в тот же момент я понимал, что нарушаю брачную клятву, что с этого дня моя жизнь с N. изменится бесповоротно, даже если она ничего не узнает. Я твердил себе, что поэт не может жить без трепета, а в браке трепет – не жилец. Я должен был примириться с умиранием трепета, потому что

таков закон. Бог не мешает нам познать его законы, но он карает нас за попытки их изменить. Мне нужно было поверить, я же вознамерился проверить, а это возможно только преступая закон.

Преступив раз, я уже не мог остановиться. N. сначала почувствовала, а потом узнала об этом, в том числе и от меня самого. Я же опять дорвался до разврата, и если его называть грязью, то ведь и мед, коль им измазаться с ног до головы, тоже можно назвать грязью. Но сладость его от этого не уменьшится.

Моим любимым упражнением было влюбить в себя блядь. Влюбить в себя неопытную девочку ничего не стоит (в прямом и переносном смысле), а влюбить в себя блядь, которая по профессии своей должна быть бесчувственной, — это вызов мужскому искусству. Девицы обучены не кончать с гостями, и только редкие, с пылкой натурой, не могут удержаться и кончают, быстро изнашиваясь. Но с такими неинтересно. Я выбирал ту, что поопытнее и похолоднее. Я забирался с ней в постель и начинал ласкать ее без спешки и добросовестно, приговаривая, как она красива и как я ее люблю. Она смотрит на меня с усмешкой, с недоверием или без всякого выражения на лице, но я знаю, что ей приятно слышать эти слова. Некоторые мне подпевают, мол, и я какой красивый и как она меня любит. Но ей-то уплачено, а я говорю бескорыстно, и потому ей слышать это приятней, чем мне.

Я ложусь у нее между ног и зализываю похотник. Она лежит с открытыми глазами, не давая себе увлечься, зная по печальному опыту, что

гость скоро бросит все эти глупости, засунет ей куда-нибудь хуй и кончит. Или она лежит с закрытыми глазами и начинает притворно стонать и двигать бедрами. Но я знаю, что еще рано. Я вставляю указательный палец в пизду и длинным ногтем поскребываю ей утробу. Средний палец я обмакиваю в пизду и плавно углубляю ей в сраку. Свободной рукой я тереблю сосок.

Я упорен — лижу плотно и по-разному, ища и находя ее любимое движение. У нее появляется надежда: а вдруг я доведу ее до конца. Блядь расслабляется, и в ней проступает женщина. Лоно ее начинает напрягаться. Она приоткрывает глаза и смотрит вниз, серьезны ли мои намеренья, и наши взгляды встречаются. Она закрывает глаза, все еще готовая к моему предательству, но в то же время охватываемая все растущей надеждой. И наконец она чувствует близость судорог. Она схватывает мою голову руками: нет, мол, теперь уж не останавливайся — и вздрагивает — волны находят, но никак не могут окатить ее с головой. И вот она напрягается, как хуй перед концом, и пальцы мои пожимаются сочной пиздой и тугой сракой. Женщина тянет меня наверх, чтобы я кончил в нее. Она улыбается мне и зовет опять в гости и говорит, что следующий раз даст бесплатно — это ли не объяснение в любви?

* * *

Роковое знакомство произошло тоже в борделе. Нет лучше места для потворства моей страсти наблюдать чужие наслаждения. Не является ли это самым разительным примером человеко-

любия, когда чужое наслаждение вызывает во мне самом наслаждение не менее сильное.

Если ты видишь горе чужого тебе человека, то сочувствие, тобою испытываемое, не сравнится по силе с чувствами самого страдальца. Так и в радости от успехов на служебном поприще: человек, их достигнувший, будет много счастливее, чем посторонний доброжелатель, прослышавший об этих успехах. Но когда мы видим чужие любовные наслаждения, они не только вызывают наслаждение и в нас, но наслаждение наше оказывается не слабее, а подчас и сильнее, чем наслаждение участия.

Я убежден, что в мире нет прекрасней картины, чем вид хуя, ныряющего и выныривающего из пизды. А увидеть это во все глаза можно, только наблюдая со стороны. Когда ебешь сам и отстраняешься, чтобы посмотреть на чудо, ты всегда видишь зрелище сверху — не увидеть, как твои яйца елозят по ее промежности. Можно, конечно, мудрить с зеркалами, но это не то. Кроме того, когда ебешь, ты слишком увлечен ощущениями хуя и не можешь полностью отдаться зрению. Поэтому как зрелище меня больше волнует чужой хуй, входящий в пизду, чем свой собственный. Недаром древние римляне требовали не хлеба и наслаждений, а хлеба и зрелищ.

Моя страсть к зрелищам уготовила мне знакомство, которое теперь может обернуться моей смертью.

У Софьи Астафьевны есть специальная комната, в стене которой сделан глазок. В него позволяется смотреть за особую плату. В эту комнату отправляются случайные клиенты, а частые гос-

ти могут занять соседнюю комнату и наблюдать за действом.

В тот вечер я взял с собой Нину, умелицу. Я поставил ее перед собой на колени, а она знала, что делать, и знала прекрасно. Пока Нина усердствовала, я прильнул к глазку и увидел Лизу, скачущую на каком-то «жеребце». Девочки были обучены, находясь в смотровой комнате, разворачиваться рабочей частью к глазку и ставить рядом подсвечник. Я видел бледный зад Лизы с розовым прыщиком на левой ягодице. Она согнулась над своим гостем, и ее пизда со скользящим в ней хуем сверкала. Всякий раз, когда хуй вылезал из пизды, чтобы опять нырнуть поглубже, он вытягивал за собой бахромку блестящих алых внутренностей. Погружаясь, он запихивал их обратно, в глубину.

На полу валялась форма кавалергарда.

Он кончил, насадив Лизу так глубоко, что пизда пропала из виду. Лиза соскочила с него и побежала подмываться. Тогда я увидел его лицо — это был Дантес, которого недавно приняли в гвардию и от которого все женщины сходили с ума. Мы не были представлены друг другу, но мне раз указали на него в доме, где собрались самые прекрасные женщины Петербурга. Я стоял рядом с N., которая тоже увидела его впервые. И у нее вырвалось: «А он действительно необыкновенно красив!» Кровь бросилась мне в голову. И в мгновенье, когда мне это вспомнилось, я кончил, а Нина глотала и глотала.

И вдруг я с озлоблением подумал о N., которая в те редкие разы, когда я уговариваю ее взять мой хуй в рот, всегда давится, откашливается и с отвращением выплевывает мое семя. Дьяволь-

ская мысль пришла мне в голову — а выплюнула бы она его семя? Только один ревнивый ответ являлся мне и низвергал меня в пучину ненависти: небось проглотила бы, не поперхнувшись, да еще губы облизала б.

Отправляясь домой, я проходил через залу и увидел пьяного Дантеса с еще одним кавалергардом. Они пили с Лизой и Тамарой. Дантес говорил по-французски, а приятель переводил. Лиза, заметив меня, послала мне поцелуй, а Дантес обернулся в мою сторону и широко улыбнулся:

— Я бьюсь об заклад, что вы — Пушкин.

— Не имею чести, — холодно бросил я, проходя мимо.

— О, позвольте же отрекомендоваться, — браво вскочил он с дивана и последовал за мной.

Он забежал вперед, отвесил поклон и назвался. Я кивнул и прошел в переднюю. Он, пошатываясь, двигался за мной по пятам.

— Я человек в Петербурге новый, и мне хотелось бы сойтись с вами поближе, — сказал он.

— Это не самое удобное место для знакомства, — вынужден был ответить я.

— Отчего же? Напротив. Этот дом располагает к сближениям.

Я остановился и посмотрел на него с любопытством. Я тогда не представлял, сколько еще его каламбуров мне предстоит услышать.

А он тем временем продолжал:

— Вот вы — знаменитый поэт, а не задумывались ли вы над самым великим поэтическим явлением в природе?

Мне стало интересно, что же он скажет, и я медлил уходить.

– Глядя на любую женщину, я знаю совершенно твердо, что у каждой из них есть пизда. Да-да, простой факт, но сколько поэзии в этой непоколебимой уверенности. Ведь только она дает нам цель в поведении с любой женщиной. Не будь этой уверенности, нас бы охватила тоска, ведь женщины в обществе ведут себя так, будто у них нет пизды.

Я не смог удержать улыбки от подобия наших мыслей и сказал ему, что, когда он выучит русский, я дам ему почитать мою сказку, где уверенность, о которой он говорит, подвергнута сомнению.

Чтобы не продолжать с этим юношей разговор, который мне было неприятно вести, я наскоро простился. При других обстоятельствах и с кем-либо другим я бы с удовольствием завязал занимательную беседу, но у меня с первого взгляда сердце не лежало к Дантесу. Кроме того, после женитьбы я даже с близкими друзьями опасался обсуждать прелести ебли и пизды, что всегда было моей любимой темой разговора. Я понимал, что разговор на эти темы женатого человека вовлекает в них его жену, ибо любое замечание будет неизбежно приниматься на ее счет. А имя жены должно быть неприкосновенно. Когда же я стал изменять N., я перестал сдерживаться и в словах: я вернулся к любимым темам разговоров, упоминая других женщин. Но собеседники мои по-прежнему приписывали все N., что я ни скажу. Теперь мне это стало понятно. Но, увы, слишком поздно.

С тех пор, встречаясь в свете с Дантесом, я всегда ловлю на себе его плутовской взгляд. Однаж-

ды он даже осмелился подмигнуть мне, но, увидев гнев, полыхнувший на моем лице, больше не решается на подобную вольность. Всякий раз, когда он танцует с N., у меня такое чувство, что он ебет ее — уж слишком он уверен в наличии у нее пизды, он лишен всякого романтического сомнения. Эта мысль не оставляет меня и приводит в бешенство, поэтому я ухожу из танцевальной залы и глушу свою ревность азартом картежной игры или волочусь за красавицами.

* * *

Наблюдая за ухаживаниями Дантеса, я вспоминаю свою холостую жизнь и свою страсть наставлять рога мужьям. «Вот настал и твой черед», — говорю я себе. Круг замыкается, былое сбывается опять, только теперь в роли мужа я, и за моей женой увиваются шалопаи, жадные до ее пизды. Что они ей говорят, как уговаривают?

Я редким умным женщинам говорил, что нет ничего лучше разнообразия, что, отдавшись мне, они будут еще больше любить своих мужей освеженным мною чувством. А дурам я объяснялся в такой страстной любви, какой от мужа они никогда ожидать не могли. И я был предельно искренен и с теми, и с другими.

Я уверен в N., и то, что в ней могут быть неуверены другие, бесит меня больше, чем ее неуемное кокетство. Я вынужден признаться себе, что молва, честь, мнение света значат для меня больше, чем истинное положение вещей. Уж лучше, чтобы N. тайно с кем-то поеблась (но только один раз!) и чтобы об этом никто не узнал, чем сплет-

ни и слухи о ее неверности при ее полной невинности. Поэтому, когда Вяземский волочится за N., я только ухмыляюсь — свет никогда не поверит, что она прельстится таким невзрачным и неумелым мужчиной. А Дантес опасен своей красотой и наглостью — им молва приписывает победы, коих не было, но коих они достойны по понятиям света.

Ненавижу дерзость, с которою молва издевается надо мной за моею спиною. Я чувствую рога, растущие наперекор моей убежденности, что им нет места на моей голове. Молва вносит сомненье в мою убежденность. Сколько необозримых возможностей у N. для измены, когда всякий мужчина у ее ног. Что не дает ей воспользоваться ими?

* * *

Мне удалось убедить N., что у Дантеса сифилис и что он заразит любую женщину, которая отдастся ему. Я учил N., что у больных сифилисом возникают периоды временного облегчения и заразность их уменьшается, хотя совершенно не проходит. В такой период больной испытывает особенно сильную страсть. Так я старался обезопасить N. от Дантеса. Она верила, пока Катька не доказала ей на собственном примере, что это ложь.

Часто после долгих танцев с ним она поверяла мне, возвращаясь с бала, что у него опять было «облегчение болезни». Ее глаза горели, и она с явной живостью откликалась на мои объятия. В эти минуты я думал, что должен быть благода-

рен Дантесу за вызванное желание, которым я так жадно пользуюсь. Дошло до того, что, когда N. была равнодушна к моим ласкам, я ловил себя на мысли, что надо бы свозить ее на бал, чтобы Дантес поприжимал ее в танце и разгорячил бы для ночи со мной. Мне было противно от этих мыслей, но ничего поделать с ними я не мог, и в конце концов я стал испытывать только злорадство.

Глядя на любого мужчину, с которым она кокетничала, я злобно шептал про себя: вы все на меня работаете. Но ревность во мне продолжала кипеть. Однажды на балу я заметил, как N., танцуя с графом X., позволила ему трижды поцеловать руку. Когда мы приехали домой, я сорвал со стены кинжал, бросил N. себе на колени и приставил его к ее горлу. «Признавайся, — закричал я, — изменила ли ты с X.!» N. обомлела от страха, и тело ее напряглось, как перед сладострастными судорогами. «Клянусь детьми, я тебе верна», — проговорила N. прерывающимся голосом, глядя мне прямо в глаза.

Я был готов проткнуть ей горло, если бы она замедлила с ответом или отвела взгляд, и она почувствовала это. Но как я мог не поверить ей после такой клятвы? Я спихнул ее с колен, и она шлепнулась на пол. Всякий приступ ревности заканчивался у меня возникновением дикого желания. N. лежала на полу и постанывала. «Знает уже, что я ее сейчас ебать буду», — подумал я и задрал ей платье. Бедра N. были в крови, и я удивился, как это я раньше не учуял запаха пиздяной крови. Моя женка выкинула.

После первых родов N. я решил больше никог-

да не находиться рядом, чтобы не слышать ее ужасных криков. Она кричала так, что я заливался слезами от сострадания и своей неспособности помочь ей. Я проклинал себя и ребенка, причинивших ей такие муки. На вторые роды я умышленно опоздал, а Бог все-таки заставил меня быть свидетелем выкидыша.

В крови лежал сгусток зародыша с рыбьим личиком.

К счастью, кровь быстро остановилась, боли прекратились, и через день N. была уже готова опять забрюхатеть.

* * *

Кровь месячных, кровь родов, кровь выкидышей — кровавые женщины. Сколько воды утекло — скажет мужчина, сколько крови — скажет женщина. Девушка теряет невинность не когда ей рвут целку, а когда у нее впервые кровь идет пиздой.

* * *

Только когда она брюхата, я чувствую покой, так как N. заполняется приготовлениями к родам, что если не полностью вытесняет, то, по крайней мере, теснит ее кокетство. Поэтому я изо всех сил стараюсь держать ее брюхатой, хоть это и разоряет меня: плодя детей, я вынужден плодить долги.

Беременность N. мне на руку также и потому, что она оправдывает мою жажду других женщин. На сносях N. не подпускала меня к себе,

потому что врачи наговорили ей, будто это вредно для ребенка. Никакие уговоры не действовали. Я разозлился и сказал, что пойду и выебу блядь. N. восприняла это на удивление спокойно, но потребовала, чтобы это действительно была блядь, а не любовница.

Так я впервые признался в измене и получил разрешение на блядей. Обрадованный, я старался подсластить ее согласие, уверяя N., что бляди лишь взбадривают мои желания без всякого ущерба для моей любви к ней.

Это произошло, когда N. была брюхата Машкой. Но после ее рождения отменить разрешение на блядей было уже невозможно. Как-то раз я захотел N., но она была не в настроении. Я вскочил с кровати и молча стал одеваться. N. сказала ядовито: «Только не иди к дешевым блядям, а то сам заразишься и меня заразишь».

Поначалу я держался только блядей, ибо не хотел, чтобы в свете поползли слухи, что я изменяю жене.

N. примирилась с блядями, но ревность по отношению к остальным женщинам обострилась у нее необычайно. Если на балу я задерживал взгляд на какой-либо женщине, N. свирепела и мстила мне отчаянным кокетством.

Однажды, когда я, целуя руку княгине Т., раздвинул большой и указательный палец и лизнул этот символ промежности, N. проходила мимо и заметила. Ее взбесило это потому, что я так целовал руку ей, когда она была моей невестой. Той ночью после бала она дала мне пощечину и закричала, заливаясь слезами: «Зачем ты женился на мне? Чтобы волочиться за другими? Ты

меня никогда не любил, ты только хотел обладать моей красотой! А теперь я для тебя недостаточно красива? Ты просто ненасытный кобель!»

Я бросился перед ней на колени и стал умолять выслушать меня. Я клялся ей в любви, которую всегда к ней испытываю, но я не мог ей сказать всю правду: что она не способна больше вызвать во мне трепет, который легко вызывает любая новая женщина. Такое признание открывает безысходность, которую N. не выдержала бы. Теперь-то она сама ее постигла. И все, что я мог тогда делать, это отдалять день, когда эта безысходность разверзнется пред ее ногами... спасающим от безысходности любовником.

Тогда я говорил, что волочиться за другими, будучи женатым на любимой женщине, — это значит заботиться о сохранении любви к жене, заботиться о поддержании пламени в браке. Я говорил, как я начисто забываю о женщине, выебав ее, и как обостряется мое желание к N. Как я спешу к ней, полный страсти, после восторгов, не достигших моего сердца. Доказывая в ту ночь мою обострившуюся страсть, я счастливо думал, что мы сегодня невзначай расширили пределы моей свободы, упоминая не только блядей, но и любовниц.

Время от времени N. спрашивала:

— А если ты заразишься дурной болезнью, что я буду делать?

— Это не может случиться со мной, — убеждал я ее, пользуясь своим авторитетом и ее неосведомленностью.

Я был осторожен. Я бывал только в тех борделях, где за девицами хозяйка следила, как мать.

Кроме того, я сам делал им осмотр, прежде чем их ебать. Я всегда придирчиво осматриваю тело, нет ли где сыпи или язвочки, щупаю под мышками и в паху, нет ли припухлостей, заставляю открыть рот и высунуть язык. Я могу определить по запаху и цвету пизды, есть ли в ней воспаление. Меня даже прозвали в одном борделе «лекарем».

Мой нюх настолько силен, что я могу узнать месячные у любой женщины. Помню, почуяв знакомый дух, исходящий от Аннеты, я спросил ее: «Что вам более нравится, запах розы или запах селедки?» В ответ она зарделась, как роза, источающая запах селедки.

Я бился об заклад с Нащокиным, что определю, когда у его цыганки крови, и выигрывал безошибочно. Я обожаю ходить на балы и узнавать женщин, у которых месячные. В ранней юности я часто забавлялся тем, что смущал женщин в танце своей проницательностью, и наиболее изощренные отдавались мне, угадывая мои прочие способности, коль обоняние развито у меня так сильно.

Примирившись с моими блядями, N. однажды спросила, что они делают из того, что не делает она. Я загорелся и стал вдохновенно рассказывать. Этого, конечно, делать не следовало. Нельзя поверять такие подробности жене, не отталкивая ее от себя. Я рассказал про одну, которой я урильничал в пизду и которая потом сидела на мне, заливая своей обжигающей мочой мои яйца.

«Какая гадость», — сказала N. и отвернулась от меня. Но я видел, что это разожгло ее, и я при-

строился сзади с ее молчаливого одобрения. «Если мое семя ей не по вкусу, то что уж говорить об остальном», — думал я, представляя себе перед глазами картину, о которой я только что рассказал, чтобы слаще кончить. Струя, вырастающая из волос.

N. кончила вместе со мной, но виду не подала и осталась лежать ко мне спиной, не обняв меня, не поцеловав меня в благодарность. Она все чаще вела себя со мной так, как многие мои приятели ведут себя с блядями и женами — кончат и, отвернувшись, засыпают. Нет, N. не любит меня, а я, видя это, делаю все, чтобы усугубить ее безразличие. Когда в ней просыпается похоть, она позволяет мне утолить ее, все же остальное время она лишь терпит меня.

* * *

Сначала N. приревновала меня к Катрин и решила ее выдать за Хлюстина, но я пугнул его дуэлью, и он трусливо исчез.

N. призналась мне позже, да я и сам понимал, что сестер своих она привезла неспроста. Помимо того, что она спасала их от материнских пощечин и сумасшедшего отца, N. предпочла, чтобы я лучше увлекся ими, чем чужими, неизвестными ей женщинами. Бедная, она не понимала, что огонь в лесу не может сжечь одно дерево и на том остановиться. Наоборот, чем больше деревьев он пожирает, тем больше он разгорается. Но я не хотел ей этого объяснять, а лишь потирал руки. Я всегда потираю руки в предвкушении ебли. Привычка эта образовалась у меня с раннего детства,

когда я начал дрочить. Я почему-то делал это не одной рукой, а двумя, как бы потирая руки, между которыми был зажат хуй. В этом отражалась моя натура, всю себя отдающая любви, хватающаяся за нее не одной, а обеими руками. Каждый раз, когда у меня встает хуй, это значит, что он устремляется к небесам, к Богу. И всегда, когда он стоит, я знаю, что Бог — со мной. Я не могу сказать женщине «нет». По меньшей мере один раз я ебу ее из вежливости. Поистине, мое сердце принадлежит самой податливой.

Азя приехала, уже влюбленная в мои стихи и в меня. Она отдалась мне, даже не успев пококетничать. Катрин из любопытства решила попробовать тоже. Она так боялась остаться девственницей до конца своих дней, что, когда младшая сестра, не задумываясь, подала ей пример, Коко сама предложила мне себя. Она выбрала для этого неуклюжий способ и нарочно уронила себе на ступню мешок с целковыми, чтобы остаться дома и не идти на бал с N. и Азей. Коко думала, что никто не понимает ее ухищрений, но N. и Азя переглянулись со мной понимающим взглядом.

Коко чуть перестаралась и действительно ушибла ногу. Человек принес таз с холодной водой, и я погрузил ее ступню в воду. Я вел себя серьезно, как врач, и К. повиновалась мне без стыда. Когда боль утихла, я приказал ей лечь в постель и положил лед на ступню. Она лежала в ночной рубашке и покорно смотрела на меня. Я запустил руку под одеяло и поцеловал ее в губы. Она приняла мою руку без паники, как свою, которая к ее годам уже научила радостям, таящимся в пизде. Теперь пришло время хуя, и Кат-

рин была давно готова к нему. Ушибленная ступня отвлекала, но не настолько, чтобы забыть о наслаждении. Целка была так растянута, что крови не было.

К. усердно готовилась к этому дню. Она сама потянулась губами за хуем — потом она рассказала, как выпытывала подробности о ебле у N. и сосала по ночам большой палец, представляя, что она сосет хуй, а другой рукой дрочила.

С Азей тоже была умора. Она стала ревновать меня к N. и решила открыть ей и всем в доме, что она моя любовница. Ей казалось, что N. ничего не знает и ни о чем не догадывается. Азя считала, что только она любит меня, как я того заслуживаю, и хотела своим откровением задеть N. Она спрятала свой нашейный крест в мою кровать и заставила людей искать его по всему дому, покамест его не нашли там, где она его спрятала. Об этом, конечно, доложили N., на что она сказала Азе: «Для сестры мне и мужа не жалко, а для мужа — сестры». Азя не ожидала такой «щедрости» от N. и затаилась в удивлении.

Поведение Коко было иным. Она требовала, чтобы я выбрал между ней и Азей. N. она принимала как неизбежное зло. Но я брюхом хотел иметь их обеих. Я вообще люблю держать вокруг себя как можно больше пизд — авось в какой-то момент я захочу именно ту или эту.

* * *

Вскоре объявился Дантес, и, увидев, как он раздражает меня, К. влюбилась в него, чтобы мне отомстить. Но ответного чувства ей было не

вызвать, и она стала сводничать, тайно сообщая Дантесу, где и когда появится N., чтобы тот оказался там же и в то же время.

Я узнал об этом от самой N., которой Дантес намекнул, что у него есть соглядатай в нашем семействе. Не стоило большого труда заключить, что это К. Я спросил об этом у нее напрямик. Она смешалась, покраснела и хотела убежать в свою комнату, но я схватил ее за руку, притянул к себе и проговорил в ухо: «А ты знаешь, что твоего Дантеса используют как женщину!» К. посмотрела на меня с отвращением и выкрикнула: «Это ложь!» И тогда я стегнул ее заранее приготовленной фразой: «А я думал, что ты давно это заметила, ведь, как только ты входишь в залу, он поворачивается к тебе задом». Коко закричала, что ненавидит меня, вырвала руку и в слезах убежала к себе. Я чувствовал себя отомщенным, но в то же время понимал, что обрел в своем доме преданного врага. Впрочем, я предпочитаю ярого врага врагу вялому.

О том, что Дантес предается содомскому греху, стало известно в свете мне первому, и я с радостью сделал эту новость достоянием общества. Узнал я об этом от девок из борделя, в который он захаживал. Они рассказали мне по секрету как их верному другу, что Дантес платил им большие деньги за то, чтобы они по очереди лизали ему сраку, которая была разорвана и кровоточила точно так же, как у моих блядей, когда их беспощадно ебли в жопу.

Когда Геккерен усыновил его, тогда уже ни у кого не оставалось сомнений. Катька тоже в конце концов убедилась в этом, но у нее возникла к

Дантесу жалость, а не отвращение, как я рассчитывал. Он представлялся ей жертвой порочных страстей Геккерена. И не было ничего, что бы К. не оправдала в Дантесе.

* * *

Азя покорила мое сердце. Все сопротивление Ази заключалось в том, что, когда я ее впервые поцеловал, она пыталась отталкивать меня языком. Она понимает меня, она потакает мне. Я прочел ей мою пьесу «Нет, я не дорожу...», и она заплакала и обняла меня, приговаривая: «Мой бедный, бедный мальчик». Я тоже растрогался, и слезы вытекли из глаз моих. Она поняла, что я бодрился и хорохорился, заставляя кончить N., которая не любит меня, вернее, любит вынужденно, без упоенья.

Упоенье я стал замечать в ее взгляде на Дантеса. Она никогда не смотрела на меня такими глазами. Я на всю жизнь запомнил, как она в письме ко мне спрашивала, не похорошел ли я. Сколько затаенной боли и неудовлетворенного желания красоты прочел я в этом шутливом вопросе.

Даже когда N. кончает с открытыми глазами, она всегда смотрит мимо меня, на свою мечту. Но Азя любит меня, и она хочет даже взглядом слиться со мной. С какой жадностью я в это мгновенье любуюсь ее отдаленной схожестью с N.

Я сам всегда стремился к красивым женщинам и никогда бы не женился на дурнушке. Стремление к красоте так естественно для человеческой природы, и ничто ее заменить не может. Любовные судороги лишь на время ослабляют это

стремление, но вскоре оно возрождается с новой силой. Я должен признаться, что сел не в свои сани, что N. была бы более счастлива, будь она женой Дантеса. И поэтому я ненавижу этого красавчика с еще большей силой. Если бы он не мозолил глаза N., он бы не напоминал ей всяким своим появлением о разнице между ним и мной. Если бы увезти N. в деревню, я спас бы себя от невыгодных сравнений, и N. не замечала бы моего уродства. Но нет, я обманываю себя — достаточно увидеть красоту лишь раз, чтобы уже никогда не забывать о ней.

Я не должен был жениться. Я хотел жить как все, но мне этого не дано. Я не могу позволить жене иметь любовника и делать вид, что не замечаю этого, как это делают все. Я не могу иметь любовниц и, как все, скрывать это от жены.

Я предложил N. пригласить Азю к нам в постель, но тут же пожалел об этом, так как еще одна трещина образовалась в наших отношениях. N. с презрением сказала: «А ты грязнее, чем я это себе представляла». Я не должен был пытаться втягивать в разврат жену, но в тот момент мне казалось, что нет ничего естественней, чем две сестры, ласкающие любимого мужчину. Накануне я предложил то же самое Азе; она удивилась: «А что ты будешь делать с нами двумя?» Я объяснил ей красочно, и она пылко сказала: «Я хочу все, что хочешь ты». Вот идеальный ответ любящей женщины. И тут же Азя спросила меня, женюсь ли я на ней, если N. умрет от родов. Я представил себе на мгновенье смерть N., и ужас охватил меня, какого я не испытывал даже перед лицом собственной смерти.

* * *

Стоило мне этим летом позволить сестрам жить на даче отдельно, как Катька спуталась с Дантесом, а Азя влюбилась в Аркашку. Но осенью я опять прибрал их к рукам. Я видел, что Дантес и Коко стали любовниками. Случайные красноречивые прикосновения друг к другу, бесстыдные соития взглядов — мне ли не заметить разящую особенность отношений новых любовников. Как бы они ни старались скрыть свою близость, она всегда бросается в глаза. Поэтому, если любовники действительно хотят скрыть свои отношения, они не должны появляться вдвоем в обществе, а встречаться только наедине, ибо в обществе всегда найдется кто-то, кто уловит, учует близость между мужчиной и женщиной. Но лишь только ее заметит один, как она становится очевидной для всего общества.

Потому-то я так уверен в N., постоянно наблюдая ее с Дантесом. В его жадных взглядах я вижу жажду не обладателя, а лишь жажду обладать, которую я вижу во всех мужчинах, глядящих на N. Нечто подобное и с N. Я знаю ее улыбку, которая набегает на ее сахарные уста в предвкушении ебли, но она не появлялась на ее лице при Дантесе, а я слежу зорко. Она бы неминуемо проступила хоть однажды. N. не знает о существовании своей похотливой улыбки — я намеренно о ней не рассказывал, сохраняя у себя тайный козырь. И я молил Бога, чтобы у меня никогда не возникла нужда им воспользоваться.

* * *

Коко перестала пускать меня в спальню и запирала на ночь дверь. Я испытывал ощущение, будто у меня отобрано нечто принадлежащее исключительно мне. Вот когда я поистине возненавидел Дантеса.

Я всякую ночь проверял ее дверь, и однажды она оказалась незапертой. Я вошел, и Катька вскрикнула, натянула на себя одеяло, и от этого я еще больше захотел ее. Злоба охватила меня, что она ведет себя так, будто я ее никогда не еб. Я не могу смириться с тем, что женщина, которая была моей, вдруг смеет стать недоступной. В моих желаниях та, что я еб хоть раз, остается моей на всю жизнь. Оттого-то в жены хотят девственниц, ибо любой мужчина, обладавший женщиной, имеет над ней пожизненную власть, желает она того или нет.

Катька раскрыла рот, чтобы закричать громче, но я опередил ее и влепил пощечину. Подавленный крик превратился в рыдания.

— Я ненавижу тебя, ты мне противен, обезьяна. Я беременна от Дантеса — вот тебе, — прошипела она сквозь слезы.

Я еле сдержался, чтобы не вонзить ногти в ее длинную шею. Я сразу представил себе скандал в свете, молву, которая запятнает честь моей семьи. Я знал, что мои враги распустят сплетни, будто это ребенок от меня. Единственный способ уладить дело и избежать скандала — заставить Дантеса жениться на ней, а если он откажется, я решил с ним драться. К тому же брак с Коко делал его менее опасным для N. Так мне тогда

казалось. Но мне нужен был предлог, чтобы вызвать его, не раскрывая истинной причины для света, и дать Дантесу понять, что я возьму вызов обратно при условии его женитьбы на К.

– Неужели ты рассчитываешь, что Дантес женится на тебе, старой бесприданнице? – спросил я Катьку.

– Пусть не женится, но я буду принадлежать ему, – всхлипывая, сказала К., со страхом смотря на меня.

В ее зрачках отражалось пламя свечи, и оттого фраза «ее глаза горели» здесь весьма уместна.

– Я тебя отправлю в деревню, а у него баб и без тебя хватает. Я тебе не позволю бесчестить мое имя. Завтра и уедешь.

И тут она взмолилась оставить ее хотя бы на неделю. Я дал ей время поклянчить и, резко изменив тон на мягкий, спросил:

– А ты бы пошла за него?

– Я жизнь отдам за это! – горячо воскликнула она, и слезы опять потекли из ее глаз.

– Я могу сделать так, что он на тебе женится, – твердым голосом сказал я.

Ее глаза широко раскрылись и рот приоткрылся.

– Правда? Ты можешь? – загорелась она. – Я всю жизнь за тебя молиться буду!

– Тогда не сопротивляйся мне, – сказал я и потянул за край одеяла.

Она сжалась в комок и задрожала. Мне на мгновенье даже стало жалко ее, но желание мое от этого не уменьшилось, и я продолжал заверять ее, что выдам за Дантеса и не буду отсылать в деревню. Она прекратила сопротивляться после того, как я обещал ей, что свадьба бу-

дет в конце декабря или в начале января — после этого срока стал бы виден ее живот и скандала было бы не избежать. Я быстро прикинул это в уме, и определенность моих заверений убедила К.

Она поверила и расслабилась. Она не шевелилась и лежала как мертвая, думая про себя: «Скорей бы кончил». А я думал, ебя, что можно будет впервые кончить в нее без опасений. Но я не хотел кончать один. Я хотел посрамить Дантеса и ее любовь к нему, заставив Катьку кончить. Я знал движение, которое больше всего возбуждало ее: не взад-вперед, а из стороны в сторону. Я не тыкался хуем в ее матку, а без передышки тер ее. Как мне сказала одна девка — чтоб стенки терло, а донышко перло.

Катька стала хитрить, пытаясь отстраниться, чтобы хуй не доставал, в то же время сжимая его, как я ее научил, чтоб заставить меня кончить до того, как загорится она. Но я умею держаться долго.

Я смочил палец слюной и проскользнул им к ней в жопу — то, что ей так не понравилось вначале, а потом так пришлось по душе, когда она кончила. Показывая женщине новое, я добиваюсь, чтобы она кончила с этим новым, тогда оно ей становится желанным.

Скоро я почувствовал, что Коко подчинилась похоти и предается ей, мечтая, наверное, о Дантесе. Здесь, увы, я был бессилен. Одно радовало меня, что уж лучше мне быть в ее пизде, чем лишь в ее мыслях.

И вот она знакомо застонала, как будто узнала что-то вдруг ей открывшееся и поразившее ее.

Мой палец почувствовал восемь конвульсий. Я всегда наслаждался счетом ее спазм. Раньше больше пяти раз я у нее не насчитывал, и по силе они были гораздо слабее. Видно, беременность и переживания сделали наслаждение острее, да и от меня она успела отвыкнуть, и тело радостно узнало меня.

За последней спазмой опять начались рыдания — Коко страдала от неспособности тела оставаться верным любви.

* * *

Чтобы вызвать Дантеса, я стал выказывать свою ревность, то есть ревновать по принципу, каждый раз, когда он появлялся рядом с N. Я легко входил в роль и задирал его при всяком удобном случае. Надо признаться, что он держался с достоинством и остроумно отбивался. Это еще больше выводило меня из себя, и я стал ему грубить.

Тут, как нельзя кстати, появились подметные письма, из тех, что часто приходят ко мне в последнее время. Но на этот раз копии одного из писем были разосланы моим знакомым, так что о нем узнали все. У меня мгновенно созрел план — обвинить Дантеса в авторстве письма и использовать это письмо как предлог для вызова. В тот же день я послал ему вызов, а когда его «папа» приехал умолять меня пощадить «мальчика», я объявил ему условия. Старик поклялся, что уговорит его в течение двух недель сделать предложение К.

* * *

Мои дети — забавные, как сказал бы покойный Дельвиг. Они — защитники моей семейственной жизни и хранители своей матери от соблазнов. А значит, чем детей больше, тем лучше. Для меня же каждая беременность как индульгенция, извиняющая мои измены.

Как я люблю круглый живот N., на котором исчезает пупок, а вместо пупка остается коричневое пятнышко. Под животом прячется пизда с новым, особенным запахом беременности.

Когда я впервые увидел Машку, ее крохотную красненькую пизденку, я содрогнулся от Чуда превращения наслаждения — в жизнь, в человека. Славно думать о каждом человеке как о воплощении сладостных судорог. По крайней мере, мужских.

N. уверена, что она может забрюхатеть, только когда кончает. Причем конец должен быть достаточно сильным, чтобы она почувствовала, как матка засасывает мое семя. Зная о моем желании иметь больше детей, N., может быть, нарочно говорит это, чтобы я всегда доводил ее до конца. Но с ней это не всегда просто. И чем долее мы женаты, тем менее у меня интереса прилагать много усилий. Я заставляю себя усердничать разумом, который говорит, что нельзя жену оставлять неудовлетворенной, иначе я сам толкну ее в объятия любовника.

Сперва мне было интересно преодолевать ее природную медлительность и в этом находить подтверждение своему искусству любовника. Но, доказав себе свою силу, я уже стремился прило-

жить ее к другой женщине. Поэтому я с облегчением наблюдал, проснувшись среди ночи, как N. дрочит и сдерживает стон, чтобы не разбудить меня.

Но с Дантесом небось она бы не дрочила, а еблась бы день и ночь. Мне иногда кажется, что я повредился в уме. О чем бы я ни думал, мысль моя сводится к Дантесу. Если я его убью, я смогу начать новую жизнь, безмятежную и праведную. Я смогу не изменять N. Это то же чувство, что я испытывал перед женитьбой — вера, что я обрету счастье, только теперь благодаря смерти Дантеса. Я избавлюсь от всех своих грехов, порочных желаний и даже долгов.

В ожидании неминуемой дуэли я стал нервен и вспыльчив. Еще бы — все за моей спиной шепчутся и сплетничают обо мне.

Моя вспыльчивость распространяется и на моих детей, и чуть что — я хватаюсь за розги. Сердце мое полнится жалостью, но рукой моей водит дьявол. Когда я впервые задрал платьице Маше и ударил два раза розгами, она запищала: «Я больше не буду!» N. ворвалась в комнату, выхватила у меня розги и унесла дочку. Я опустился в кресло и, обессиленный, просидел в нем весь вечер. Теперь я запираю комнату, когда секу детей. N. кричит, что я бешеный зверь, что я им враг, а не отец. Кто знает, может быть, она права.

У меня не хватает времени на детей. Сочинительство и женщины оставляют время лишь на редкую игру с Машкой и Сашкой. Гришка и Наташка еще находятся в состоянии невменяемого младенчества, и делать с ними нечего. Самое большое удовольствие от них я получаю, когда

могу похвастать ими перед своими гостями. На меня находит такая гордость, как после написания хорошего стихотворения. Я иду в детскую, вытаскиваю их из кроватей и выношу одного за другим в гостиную, к притихшим гостям. Сонные рожицы детей напоминают рожицы котят, и гости умиляются каждому по очереди.

Но чаще всего дети меня раздражают, и я стараюсь быть от них подальше. Их плач, возня, болезни мешают мне сосредоточиться и отнимают время. У меня хватает терпения на полчаса, а потом я должен от них бежать.

Мне невыносимо смотреть на любые страдания детей, даже на такое неизбежное и безопасное, как прорезание зубов. Мне хочется выть от собственной беспомощности, сердце разрывается от жалости, и я бегу от них сломя голову. Когда я вижу страдание детей, я чувствую, что совершил преступление, произведя их на свет, ибо зачал я детей, не помышляя об их будущих страданиях, а желая избавить от страданий себя — от страданий ревности к N. и от страданий, когда приходится прерывать наслаждение и кончать наружу.

Часто я гляжу на их маленькие ручки, ножки, личики, и знание, что они — плоть от плоти моей, наполняет меня восторгом поэтическим. Но вскоре восторг сменяется ощущением, что меня обманули, заманили в клетку и заперли в ней. Вечная, неизбывная ответственность за детей — это клетка, из коей мне никогда не выбраться.

Ответственность угнетает меня, хоть я и выбрал ее добровольно. Увлеченный человеческим обычаем, я последовал ему, несмотря на предостережения разума.

Я теперь убедился, что ничего хорошего из моей семейственной жизни не выйдет. Такого рода признания, увы, не усиливают моих отцовских чувств.

Раньше я охранял только свою честь, потом я стал охранять честь свою и своей жены. Теперь я должен еще заботиться о чести моих детей и своячениц. Честь, которую мне нужно беречь, разрослась после моей женитьбы так широко, что задеть ее становится необычайно легко. Я должен быть настороже каждое мгновенье. Само существование Дантеса уже посягает на мою честь. Поэтому мне следует с ним драться немедля.

Государь сказал мне, что он позаботится о N. и детях в случае моей смерти, будто гибель моя предрешена. Это было тоже оскорблением моей чести, ибо так заботятся только о наложницах. Я это прямо высказал ему, на что он поднялся с кресла, дав мне знать, что аудиенция окончена. Он боялся повторения истории с Безобразовым и хотел отделаться от меня побыстрее.

Но нет худа без добра: благодаря отцовству я познакомился с кормилицами, ебать коих удовольствие особое. Я любил ебать их во время кормления. Одна из них сперва стыдилась младенцев, но вскоре перестала. Я ставил ее раком и клал ее близнецов под нее. Огромные, пропитанные молоком груди свешивались, раскачиваясь над ищущими ртами. Она, прогибаясь, опускала их и давала младенцам присосаться. Тогда я вставлял хуй, и она кончала чуть ли не сразу и по многу раз. Без сосунов требовалось гораздо больше времени.

* * *

Когда я счастливо влюблен, жизнь моя заполнена сиюминутным наслаждением, и ни прошлое, ни будущее не тревожат меня. Если же сердце пустеет, то мысли мои обращаются в прошлое или ко грядущей смерти, и тоска охватывает меня. Поэтому любовь есть единственная спасительница от пагубного времени, она избавляет нас от прошлого и будущего, она останавливает время на сегодняшнем счастливом дне. Если для влюбленных приостанавливается время, то, значит, быть постоянно влюбленным есть способ время остановить. А так как быть постоянно влюбленным в одну женщину невозможно, я влюбляюсь в разных женщин.

* * *

У голой груди выражение просьбы поцелуя. И нимб вокруг соска — знак божественности.

* * *

Безнравственность пизды не в ней самой, а только в ее всеядности. Хуй может показать характер и не встать, а пизда не умеет отказать, и если у нее от страха пересыхает во рту, то можно в нее своих слюней напустить. И страх проходит.

* * *

Женщины полны фальши: светские дамы делают вид, что не хотят, а бляди делают вид, что хотят.

* * *

Есть два счастья: одно, когда едешь к женщине, полный нетерпеливого предвкушения, а другое, когда едешь от женщины, освобожденный от нее и от желания.

* * *

Князь М. вернулся из Парижа, и я набросился на него с расспросами о женщинах. Он сказал, что женщины там изумительно красивы и что даже бляди на улицах выглядят королевами.

– Сколько ты их попробовал? – стал я любопытствовать.

– Нисколько, – сказал он.

Я представил себя на его месте и закипел:

– Как же ты упустил такую возможность?!

Пока я дивился его нерасторопности и сетовал на то, что он потерял попусту время в Париже, М. молчал и только с грустью смотрел на меня.

– Ну, почему же, почему ты хотя бы одну не выеб? – не унимался я.

– Да потому, что я жену люблю, вот почему, – ответил князь.

И мне стало стыдно от такого простого объяснения.

* * *

Жену очень скоро начинаешь ебать, не глядя в ее пизду, в темноте, ленясь зажечь свечи, то есть пизда воспринимается только на ощупь,

только для добывания судорог, а эстетический восторг, вызываемый ее «лицезрением», ее разнюхиванием, отмирает. Однако если я произвожу усилие над своей леностью, зажигаю достаточное количество свечей, чтобы разогнать мрак, коий рад сгуститься вокруг пизды, и, разведя ноги женке, не ныряю хуем в пизду, а уставляюсь на нее свежим взглядом, то восторг опять просыпается во мне, пусть не с прежней силой, но с прежней отрадой. И все-таки жажда сильного восторга влечет меня к пиздам, еще не виданным, еще не ведомым, и я не могу поступиться силой наслаждения даже во имя сохранения любви N.

* * *

Как омерзительно убеждаться, что меня хотят далеко не все женщины.

* * *

Волосы на лобке — это предвестники чуда. Самое совершенное — это правильный треугольник густых темных волос, сквозь которые не просвечивает кожа. Красота для меня меркла, если волосы редкие. Иногда волосы густые, но поднимаются они наверх не треугольником, а узкой полоской, укрывая только губы, так что по краям лобка залысины. Я это тоже не очень любил, а вот теперь я мечтаю о разнообразии «несовершенства», пресытившись абсолютной гармонией, музыкой сфер моей N.

* * *

Одно из моих любимых наслаждений – лежать на спине и видеть перед глазами сердечко ягодиц. Ее голова у меня в паху, моя голова в ее промежности. Язык мой легко достигает до похотника, а если закинуть голову, то – и до входа в пизду, из которой сочится амврозия. Но сейчас мы отдыхаем. Заснуть бы так, но не позволяет явь. Как сладко видеть все подробности пизды, вдыхать ее аромат и чувствовать горячее дыхание у себя в паху. Я чуть отстраняюсь и вижу дивную дырочку сраки – лучики морщинок, сходящиеся в точку. Я развожу в стороны плоть ягодиц, и запах слегка усиливается. Она в ответ облизывает мне хуй и тычется похотником мне в губы, зовя язык.

* * *

Кровь есть одно из волшебств пизды. Всякий месяц природа ранит женщину в пизду. Или иначе, пизда – это незаживающая рана, которая кровоточит каждый месяц. Я трепещу от обострившегося запаха, и в эти времена женщина мне особенно желанна. Когда я ебу ее во время месячных, хуй представляется мне кинжалом, которым я пронзаю ее плоть. И чем дольше и глубже я его вонзаю, тем больше покрываются кровью ее бедра, и она стонет все громче от боли, перемешанной с наслаждением. И вот она испускает вздох то ли в смерти, то ли в сладострастии.

О, как я люблю кровавую еблю, размашистую и горячую, когда, расцепившись, я и моя любов-

ница оказываемся по пояс в крови. Потом мы полоскаемся вместе, а на прощание я засовываю палец в пизду и даю ему высохнуть. Возвращаясь домой, я время от времени подношу палец к носу и вдыхаю чудесный аромат. Даже на следующий день мой палец издает сладкие воспоминания о рае, в который я его погружал.

* * *

Похотник похрустывает под моим пальцем. Чуть слабее прикосновение — и ей не кончить, чуть сильнее — и ей не по себе, она отстраняется. Я, как слепой, веду ее до конца на ощупь. Но дорога мне хорошо известна, и женщина с жаром вверяет мне судьбу своего блаженства.

* * *

Всякая любовница с отношениями и чувствами, вырастающими вокруг ебли, — это целая вселенная, в которую Провидение направляет меня на постой. Поэтому, когда у меня одновременно несколько любовниц, я то и дело переселяюсь из одного мира в другой. Это заставляет меня становиться лжецом, так как всякая женщина хочет быть для меня единственной. По меньшей мере любая хочет быть уверенной, что именно ее ты любишь, а остальных просто ебешь. Такая вера делает женщину моей не только телом, но и душой. Каждой из них я говорю, что именно ее я люблю, и это святая правда, ибо в миг сладострастья мы искренне влюблены в ту, с которой его делим.

* * *

Я устаю от одной и той же пизды, она просто перестает быть для меня Пиздой. Грех и сладость распутства в том, что оно учит нас сопротивляться природе, по законам которой похоть должна умереть в браке и уступить место другим чувствам: нежности, заботе о детях, дружеству. Распутство учит, что новая пизда воскрешает похоть. Но праведная жизнь отводит для похоти короткий срок, необходимый лишь для притягивания мужчины и женщины в положение мужа и жены и зачатия детей. В браке страсть быстро вянет, хоть по нужде муж и жена иногда вызывают друг в друге сладкие содрогания, но путь к ним ведет через пустыню привычки, когда-то цветшую трепетом.

Распутная жизнь до брака научила меня благоговеть не столько перед пиздой, сколько перед разнообразием пизд. Вкусив это лекарство от затухания страсти, я, женатый, нуждаюсь в нем еще больше, чем холостой.

У мужчин, не отведавших разнообразия, затухание похоти в браке происходит гораздо медленнее, и потому они этого не замечают, а когда замечают, то уже поздно, так как они уже состарились. Моя страсть к жене померла через месяц после женитьбы, когда N. еще даже не освоилась со своим новым состоянием замужней женщины. Одна мысль, что я не отведаю ни одной другой пизды до конца своей жизни, если я останусь верным жене, приводила меня в ужас больший, чем мысль о неминуемой смерти.

* * *

Отведав запретный плод, Адам и Ева познали стыд и застыдились наготы своей. Стыд создан дьяволом, потому-то Бог и распознал по стыду, что они согрешили. За ослушание Бог изгнал их из рая, но в утешение оставил им наслаждение. В ебле Адам и Ева не стыдились друг друга, и отсутствие стыда напоминало им о жизни в раю. Так и любовники, в бесстыдстве своем друг перед другом, обретают рай. Но дьявол не дремал и создал человеческое общество, охваченное паникой стыда.

Бог позволил иметь жену, зная, что грех трепета сойдет на нет, но Он не позволил прелюбодействовать, ибо с каждой новой женщиной грех оживает и длится благодаря разнообразию женщин, которое предоставляет общество. Человек — творенье Божие, а человеческое общество — творенье дьявольское.

За нарушение запрета Бог не только изгнал Адама и Еву из рая, но и еще размножил запреты до десяти. В рай не попасть, если нарушить хотя бы одну из заповедей. Я нарушил одну, прелюбодействуя, и нарушу вторую, как только избавлюсь от Дантеса.

* * *

Людская ложь началась со стыда. Стыд — это сокрытие того, что у тебя есть. Избавясь от стыда, мы избавимся ото лжи, и от дьявольского человеческого общества ничего не останется. На Земле будут только счастливые любовники.

* * *

Страсть удручающе короче любви. Именно потому люди клянутся в любви, а не в страсти. Вначале страсть так сильна, что для того, чтобы прибить ее, нужно кончать раз за разом. Постепенно она слабеет, вяло поднимает голову, и довольно одного раза, чтобы надолго избавиться от нее. Остается любовь, которая добивает изнуренную страсть верностью. Брачное ложе – это колыбель страсти, которая превращается в ее могилу.

* * *

В разлуке воспоминания о прелестях моей женки, вдруг ставших недоступными, делали их настолько желанными, что я вынужден был похабничать с любыми подвернувшимися бабами: с немецкими актрисами, что были моими попутчицами, с девками в придорожных харчевнях. Они были мне нужны, чтобы не сойти с ума от похоти, но видит Бог, что на каждой из них я мечтал о своей жене.

По возвращении из Сибири я подхватил триппер и, чтобы долечить его, поехал прямо в Болдино, убеждая N. в письмах, что не могу явиться к ней с пустыми руками. Но прежде, чем вернуться на брачное ложе, я поехал в Москву, где врач осмотрел меня и подтвердил, что я здоров. Когда я наконец вернулся домой, N. танцевала на балу. Я поехал туда и попросил человека вызвать N., сказав, что у меня срочное дело, а сам поджидал ее со вставшим хуем в карете. Когда я увидел подходящую N., я вытащил хуй, и моя красави-

ца, открыв дверцу, увидела его прямо перед своим носом. Было холодно, но я его быстро согрел в нужном месте. О разлука! Как она хороша, если она не на век! N. изголодалась, как никогда, и та ночь была бессонной. Но на следующий день вернулась привычка и заменила счастье покоем.

* * *

Я смотрю на сотни книг, стоящие у меня в кабинете, и понимаю, что к большинству из них я не притронусь после того, как я прочел или просмотрел их в первый раз. Но я и не думаю избавляться от них — а вдруг мне когда-то захочется раскрыть ту или другую. Я продолжаю тратить последние деньги на приобретение новых книг, как трачу последние деньги на блядей. Покупка новых книг — это наслаждение, отличное от наслаждения чтения: рассматривание, разнюхивание, перелистывание новой книги — это само по себе счастье.

Книги придают мне уверенность своей доступностью, которой я всегда могу воспользоваться, если пожелаю. Так и с женщинами — мне нужно их много, и они должны распахиваться передо мной, как книги. И в самом деле, книги и женщины во многом подобны для меня. Раскрыть страницы книге все равно, что развести ноги женщине — знание открывается твоему взору. Всякая книга пахнет по-своему: когда раскрываешь ее и нюхаешь — типографская краска, а все разная. Разрезать страницы девственной книги для меня — неизъяснимое удовольствие. Даже глупая книга приносит наслаждение, когда я впервые

раскрываю ее. Впрочем, здесь главное отличие книги от женщины: чем книга умнее, тем больше она меня влечет, и красота обложки не имеет для меня значения.

Как женщина может кончить с любым умелым мужчиной, так и книга раскроется перед всяким, кто возьмет ее в руки, и отдаст прелесть своего знания всякому, кто может его познать. Потому я ревную книги и не люблю давать их читать. Моя библиотека – мой гарем.

* * *

Любовь порабощает нас, внушая страх перед возможной потерей возлюбленной. Страх проявляется в нашем поведении, и женщина чувствует его очень тонко. Безразличие к женщине дает нам непринужденность и свободу, ибо мы не опасаемся потерять то, чем не дорожим. Женщина уважает нашу свободу и подчиняется ей, как силе. Сила по отношению к женщине определяется бесстрашием ее потерять. Это подобно отношению к смерти у стоиков. Готовность к смерти делает человека свободным и сильным. Так и женщина, видя в мужчине готовность к разлуке, слабеет перед ним, а значит, влюбляется в него. Посему всегда иметь несколько любовниц есть способ сохранить безразличие при потере одной из них.

* * *

Когда я ебу Азю, я представляю под собой N. А когда я ебу N., я представляю под собой Азю.

Значит ли это, что ни одна женщина не удовлетворит меня вполне? Мои желания настолько требовательны, что реальность не в состоянии справиться с ними.

* * *

Почему-то говорят, что мужчина «берет» женщину, а женщина «дает», тогда как все наоборот: женщина берет в пизду хуй, который мужчина ей дает.

* * *

Отличие бляди от «приличной» женщины в том, что блядь называет себе точную цену, а «приличная» женщина не хочет обязываться точной цифрой и старается вытянуть из тебя как можно больше.

* * *

Как не любить балет! Ведь это единственный способ увидеть голые ножки в приличном обществе и открыто восторгаться ими без всякой опасности для своей репутации. Искусство танца делает благопристойным рассматривание женских ножек. Ежели искусство обладает такой всепрощающей властью, то, совершенствуя, его можно довести до такого состояния, при коем и раздвинутые перед лицом зрителей ноги не будут никого возмущать своей непристойностью. Но это дело далекого будущего.

* * *

Верность в браке — это состояние не желанное, а волевое. Ведь жажда других женщин не исчезает, а растет с течением времени. Но уважение, любовь и страх риска дорогими отношениями удерживают тебя от измены. Многие мужчины так глубоко прячут от себя вожделение к другим женщинам, что ужасаются, когда все-таки чувствуют его проблески. Другие смотрят на него сторонним взглядом, как на зверя в клетке, в клетке своей воли. Но надежна ли клетка?

* * *

В браке оживление похоти возможно только за счет ослабления и разрушения его уз. Я имею в виду любовниц. Посему похоть и становится грехом, ибо ее доля — умирать, а если она пылает жизнью, то это происходит только из-за женщин вне брака. Так мы оказываемся у первичного понятия греха, когда похоть есть враг любви. Соитие между мужем и женой безгрешно потому, что оно свершается без похоти, которой грешны всякие внебрачные связи. Потому и все попытки возродить похоть в браке — порочны, в том числе и разлука. Ибо, возрождаясь на короткое время, похоть ставит брак под удар, подвергая супруга соблазну измены в разлуке. Брак создан для умерщвления страсти, хоть он поначалу и привлекает страстью. Страстию страсть поправ!

Брак заманивает законностью и доступностью похоти, и, давая клятву верности, мы не понима-

ем, что даем клятву отречения от похоти. Брак создан для отвлечения людей от похоти с помощью похоти. Посему, чтобы брак был крепкий, надо смириться с ее исчезновением.

Как бы не так!

* * *

Похоть — это гордыня тела, любовь — это гордыня души, гордыня, которая не что иное, как похоть души.

* * *

Чем больше узнаешь женщин, тем больше убеждаешься, что нельзя их сравнивать и говорить, что одна лучше или хуже другой. Каждая женщина, которую познал, — незаменима, и ни одна любовь не проходит, а навсегда остается с тобой и в тебе. Оттого каждая женщина — незабвенна.

Моих блядей я помню не менее четко, чем светских красавиц. Всякая женщина кончает по-своему, у всякой — неповторимая сказка пизды, и хуй постепенно начинает ощущать и ценить эти различия.

Ебя надоевшую красавицу, я могу вспомнить пизду дурнушки и возмечтать о ней. Как можно сказать после этого, что дурнушка хуже красавицы? С точки зрения эстетики, общественного мнения, красавица тешит меня больше. Обладание ею вызывает зависть в других и вселяет гордость в меня, но чувства эти не имеют никакого отношения к похоти.

Отроком я был настолько ошеломлен открывшимся чудом первой пизды, что впопыхах объявил ее обладательницу божеством и поклялся в верности ей. Но это было идолопоклонством, язычеством. Икон много, а Бог один.

Я молюсь не той или иной женщине, а Пизде. И когда огонь молитвы ослабевал, я обращался к новой пизде во имя сохранения этого огня. Ни одна женщина не в состоянии заменить мир женщин. Разве можно попрекать путника тем, что по дороге он останавливается помолиться в различных храмах — ведь молится он одному и тому же Богу.

* * *

О пизде трудно говорить, ибо она — совершенство, божественная гармония. Можно с легкостью рассуждать о несовершенном, показывая, почему и как оно далеко от совершенства, и указывать пути, идя которыми можно к совершенству приблизиться. А тут приходится делать усилие над собой, чтобы не просто отдаться во власть нетерпеливых чувств, а задуматься и преклониться.

* * *

Искусство комедианток заключается в том, что они, играя, остаются холодными в душе и спокойно наблюдают за собой со стороны. Изображая любовь, они ее вовсе не испытывают. Но они должны играть так правдоподобно, чтобы зрители им поверили. Комедиантки имитируют святые

чувства, и, чем они убедительнее лгут, тем больше славы приходится на их долю, тем больше денег им платят. Не напоминает ли искусство комедиантки искусство бляди? Не потому ли общество пренебрегает ими, как блядями? Не потому ли актрисы так легко доступны?

* * *

Если говорить о греховности женщины, то она не в том, что женщина имеет пизду, за которую ее нужно лишь славить, а в том, что, обладая пиздой, женщина может оставаться равнодушной при соитии. Это величайшее святотатство по отношению к божеству Пизды. Обвинения женщин в коварстве проистекают из ее способности оставаться холодной в те мгновения, когда мужчина – в огне и неге сладострастия. Женщина может легко притворяться, изображать горячую страсть и обманывать любовника не с кем-то другим, а с ним самим.

У мужчины извержение семени является неопровержимым доказательством искренности в проявлении своей страсти к любовнице. У женщины любое доказательство может оказаться подлогом: она после недолгой учебы будет бесстрастно производить конвульсии в пизде и в сраке.

Мужчина всегда наслаждается в ебле, а женщина часто безразлична, а иногда даже испытывает отвращение. Вот где порочность женской природы, вот где ее прискорбное несовершенство.

* * *

Мое восторженное исследование Пизды не находит объяснения, почему возникают такие сильные чувства при взоре на нее. Мне всегда стоит больших усилий длить взгляд, а не броситься зверем на сырое мясо пизды и не вонзить мой клык. Ненаглядная, пизда не видна во время соития. А если я отстраняюсь, но не выскальзываю, чтобы взглянуть на нее, я вижу пизду, отороченную волосами, увы, заслоненную хуем. К тому же испытываемое блаженство отвлекает внимание, увлекая к концу, и я должен держать свою жажду в узде во имя мысленного проникновения в пизду.

Но чаще всего я вижу при ебле не пизду, а лицо своей подружки. Даже когда я вылизываю пизду, она так близко перед глазами, что я не могу ее как следует рассматривать — в глазах рябит, да и я сам закрываю ее своим ртом. Если же я отстраняюсь полюбоваться пиздою, ее обладательница начинает требовать не жаркого взóра, а жарких прикосновений.

Вот женщина лежит перед тобой, без стыда, привычно разведя ноги и согнув их в коленях. Ты взираешь на Чудо — и власть его над тобой непререкаема. Разум пытается умничать и охладить твой пыл, бормоча, что пизда — это обыкновенные складки кожи, но сердце верит иному. Пизда — это тайна жизни и смерти. Эта розовая смазливая плоть, оттеняемая курчавыми волосами, этот гипнотизирующий взгляд влагалища и есть лицо Бога.

Верность одной пизде — это монотеизм. Распут-

ство, вкушение множества пизд уподобляется языческому многобожию. Не потому ли золотой век приходится на период язычества?

* * *

Всякая женщина влечет меня вопросом: какая у нее пизда? Большой ли у нее похотник или маленький, какой у нее запах, какой формы у нее губы, то есть вылезают ли малые губы из больших или прячутся в них, растут ли волосы в промежности — все это и многое другое и есть прелесть познания, трепет и вдохновение любви.

Женщина идет, а мне видится, как трутся ее губки одна о другую, но похотник посажен высоко, чтобы ходьба не заменяла еблю.

Христос был несведущ в похоти, если сказал, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если кто смотрит на женщину, то уже с вожделением, так что я говорю: «Всякий, кто смотрит на женщину, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». А если и не прелюбодействовал, то лишь потому, что примерился к ебле, да женщина не приглянулась.

* * *

Что такое красота? С древних времен мудрецы спорят о сути красоты. Но вот моя женка появляется на балу, и все головы поворачиваются к ней. Красота — это узнаваемое, а не определяемое.

* * *

Для полного наслаждения пиздой нужно ебать ее и видеть одновременно. Для этого я беру двух женщин — одна подо мной, а другая — перед. Наслаждаясь одной пиздой, я упиваюсь зрелищем другой. Мое тело и душа пронзены восторгом — вот оно, живое солнце Пизды. Солнце настолько яркое, что тело мое не выдерживает и сотрясается в судорогах и тем спасается. У желания наступает недолгая, но полная слепота. Я вдруг освобождаюсь от абсолютной власти пизды, владевшей мною всего мгновенье назад. Я брошен в иной мир. Я смотрю на пизду, которая по-прежнему перед моими глазами, и меня не волнуют больше дряблые кусочки плоти, покрытые слизью. Я ужасаюсь резкой перемене во мне, я оскорбляюсь суетностью моего восторга. Меня удручает бесчувственность, с которой я смотрю на мой недавний кумир. Непостижимо, что всего лишь мгновение разделяет великий восторг от великого безразличия.

Сразу является мысль: как ничтожна власть пизды, если она так бесследно исчезает. Но опыт рождает иную мысль: как всемогуща Пизда, если на пепелище она за несколько минут заставляет вырасти дремучий лес желаний. И лик Пизды опять устанавливается в божницу.

* * *

После разочаровывающего облегчения, которое приносят судороги, пизда вдруг теряет божественную власть надо мной, и я мечтательно, но

спокойно смотрю на нее, как смотрят на огонь в печи или на морской прибой, пока божественные очертания не начнут проступать в ней вновь, и волны не захлестнут меня, и огонь не перекинется на мое тело.

Быть может, поэтому меня так влекут пожары, их прожорливость и перекидывание на все, что имело неосторожность оказаться рядом. Меня радует безопасность расстояния, на котором я держусь от огня, потому что у меня не хватает характера держаться подальше от пизд, обжигающих и выжигающих мою душу.

* * *

Замечательно, что пизда самоценна, и прелесть ее не зависит от тела, коему она принадлежит. Даже безобразное лицо и тело не могут уничтожить ее притягательной силы. Если положить рядом двух женщин: одну с красивым лицом, а другую с уродливым, но закрыть их лица густой вуалью, то, ебя уродину, ты получишь не меньшее наслаждение, чем ебя красавицу. Скажу более, если не знать, кто из них уродина, можно предпочесть ее красавице. В пизде, а не в сердце прячется душа.

* * *

Однажды я преследовал женщину. Опускались сумерки. Она шла по улице и не замечала меня. Я задумал осуществить свою давнюю мечту и молил Бога, чтобы женщина не обернулась. Я не должен был видеть ее лица. Она свернула в без-

людный переулок. Ей было не больше тридцати, талия тонка, бедра широки. В походке узнавалась блядь хорошей породы.

Все складывалось как нельзя лучше. Она вошла в ворота дома. Я нагнал ее в несколько прыжков. Двор был также безлюден. Посередине двора стоял дровяной сарай, он был раскрыт. Я подкрался к ней сзади и взял ее обеими руками за голову, чтобы она не обернулась, и сказал грозно: «Не оборачивайся! Я тебя выебу и хорошо заплачу. Но я не хочу видеть твое лицо. Иди в сарай». Я подтолкнул ее окаменевшее от страха тело к сараю, и она пошла. «Только не делай мне больно!» — взмолилась она. Мы вошли в сарай. Сладко пахло гниющим деревом. «Делай, что скажу, не пожалеешь», — сказал я примирительно и, положив ей руку на живот, другой рукой нажал ей на спину. Она послушно наклонилась. Я задрал ей платье, под ним было голое тело. В хуе забилось сердце. Я снова нажал рукой ей на спину, и она послушно стала раком. Я растянул в стороны ягодицы и потянул их кверху. Пизда с открывшимися губками вылезла наружу. Она была красавицей! На внутренней стороне малых губок белела сметанка слизи. Не отпуская ягодиц, я встал на колени и полизал ей похотник. Женщина заурчала. Продолжая лизать, я засунул нос в пизду. Я поебывал ее носом, чувствуя, как увлажняется влагалище. Запах был здоровый и прекрасный, запах, скопляющийся к вечеру у вымытой утром пизды. Я обожаю этот запах и запрещаю своим любовницам подмываться перед свиданием со мной. Видя, как женщина расслабилась в неге, я поднялся с колен. «Не обо-

рачивайся», — напомнил я ей и погрузил хуй в порозовевшую от похоти пизду.

Мне слепило глаза заходящее солнце, сверкающее в щелях дощатой стены. Женщина тужилась и, когда я кончил, подалась на меня и с облегчением вздохнула. «Не оборачивайся», — опять напомнил я ей. Я так боялся, что в последний момент она может все испортить. Я оправил одежду, положил на ее выпяченный зад пять серебряных рублей и вышел из сарая быстрым шагом. Двор был по-прежнему пуст. Моя мечта свершилась — я выеб незнакомку, не увидав ее лица. Жаль, что мне пришлось напугать ее. Но иначе женщина стала бы навязывать мне свое лицо, а мне оно тогда было не нужно.

* * *

Как бесценный бриллиант, пизда заключена в роскошную оправу изысканного соседства — сраки и мочеточника. Благостью своей пизда освящает запах говна и мочи, и все три запаха смешиваются в один благоуханный букет. Во всем теле женщины нам видится пизда, и все напоминает о ней. Запах мочи или говна, оставшийся в нужнике после женщины, напоминает не о моче или о говне, а о ее пизде. В любом углублении женского тела видится пизда. Волосы под мышкой намекают о волосах лобка. А волосы на лобке — это знамя пизды.

* * *

Несколько лет назад Нащокин застраховал свою жизнь то ли из боязни перед буйной Оль-

гой, то ли из погони за новизной. Я об этом теперь вспомнил и стал думать, не застраховать ли и мне свою жизнь. Предприятие это самоотверженное, но ввергающее жену в неминуемый грех. Уж такова природа человека, что мысль его предпочитает развиваться в греховном направлении, если тому предоставляется возможность и не чинится препятствий.

Если жена знает, что по смерти мужа она получит большие деньги, и муж заболевает, то ей будет не избежать утешительной мысли о деньгах, которые ей могут вскоре достаться. Увеличат ли такие мысли преданность жены, сделают ли они ее более зависимой от судьбы мужа? Нет, такие мысли, даже помимо воли, охлаждают пыл, с коим она ждет его выздоровления. А если молодая жена мечтает избавиться от ненавистного старого мужа, то она, пожалуй, и подсобит невольной небрежностью в ухаживании за ним. А коль она подла, то она умышленно будет его в могилу сводить.

Особенно безнравственно застраховывать мужу свою жизнь на такие большие деньги, получение коих сделает жену богатой, тогда как при его жизни они жили в долгах. В этом случае смерть мужа резко изменяет положение жены к лучшему, а значит, такая страховка ввергает ее в еще больший соблазн. Даже не желая того, жена будет какой-то своей частицей хотеть смерти мужа. Получается, что жизнь человека обменивается на деньги и хоть не по твоей воле, но с твоего согласия. То есть смерть любимого (или нелюбимого, но близкого) человека добывает деньги.

Муж заготавливает жене деньги в утешение от своей смерти. Тогда, чтобы быть последовательным, муж должен присмотреть жене своего сменщика и устроить так, чтобы она не страдала не только от безденежья, но и от неудовлетворенных желаний.

Нет, благородства у меня не хватит для эдакого.

Долг мужа — заботиться о своей жене, но честь жены — отказаться от такого рода «заботы».

В Индии жену убивают и хоронят вместе с умершим мужем. Легко себе представить, как жена ходит за больным мужем и холит его. Страх собственной смерти — прекрасное подспорье для любви и преданности.

Смерть мужа не должна приносить жене никакой заведомо известной выгоды. Страховать свою жизнь — значит навязывать жене чувство покоя при мысли о твоей смерти. А жена должна трепетать от ужаса при этой мысли. Страховать свою жизнь следует, только если твоя смерть разорит жену и детей. Нет, мне волноваться нечего — государь позаботится, не бросит в беде красивую долгожданную вдовушку.

* * *

Семейственная жизнь моих предков была омрачена великой ревностью и жестокостью. Но от поколения к поколению жестокость ослабевала. Мой прадед зарезал жену, а дед лишь заключил свою в домашнюю тюрьму. Отец интересовался только собой и к матери был равнодушен, а я сделал последний шаг — горячо верю в свою

жену, несмотря на сплетни. Я замыкаю круг с прадедом полной противоположностью, для соблюдения коей не жена, а я должен умереть насильственной смертью.

* * *

С Керн, по причине ее мелкомыслия, я говорил лишь о предметах ничтожных. Меня интересовало только ее восхитительное тело. И нет моей вины в том, что большинство женщин не могут прельстить меня ничем, кроме тела. Иногда все же попадаются женщины с тонкостию чувства и разума. С ними приятно вести беседы, особенно после жаркой ебли. Эти редкие женщины никогда не жалуются, что, мол, меня, кроме тела, в них ничего не привлекает, потому что, во-первых, они на собственном опыте знают, что это не так, и, во-вторых, они достаточно умны, чтобы понимать, что такими обобщениями они себя выдают на посмешище.

Женщины глупые не желают признаваться себе, что пизда – существо, от них не зависимое, и что мужчины вынуждены общаться с ними лишь потому, что они обладательницы пизды. Им обязательно хочется всучить всю себя в придачу.

Чем сильнее желание у мужчины, тем менее он способен отличить слово «женщина» от слова «пизда». Единственное, что открывает ему глаза на существование в женщине чего-либо еще, кроме пизды, – это удовлетворенное желание. Поэтому умная женщина прежде всего отдается мужчине, чтобы ее пизда не занимала все его

воображение и чтобы, насытившись пиздой, он смог бы оценить ее ум, талант, доброту и все прекрасное, чем она обладает.

Керн и прочие дуры уверяют всех вокруг, что я считаю женщин существами низшими. Это правда, но только в тех случаях, когда они находятся внизу.

* * *

Поцелуй — это прелюдия к прелюбодеянию. В супружеской жизни муж и жена не целуются, как это делают любовники, а прямо приступают к ебле.

* * *

Когда я вижу Дантеса, увивающегося за N., я вспоминаю, как я увивался за Керн у Олениных. Возмездие или невинное подобие? Я, быть может, так никогда и не узнаю правды.

Но о Керн вспоминать приятно — спазмы сжимали ее пизду так сильно, что бывало трудно вытащить. У ее кузины Аннеты тоже спазмы, но повыше — в лице. Когда она кончала, ее черты поражала такая гримаса, что смотреть на нее было жутко — думалось: а вдруг лицо таким и останется навсегда. Но все обошлось. Хотел бы я подслушать, о чем они говорили, когда писали мне любовное письмо. «Не скоро, а здорово» — так мы называли с Керн хорошую еблю. Надо отдать должное Родзянко, который дал ей славное образование.

После долгой разлуки она прибежала к Дельвигу, где я ее поджидал. Она была в одной сороч-

ке, поверх которой была накинута шубка. А мороз тогда стоял изрядный. Отцу своему она сказала, что бежала помочь моей сестре в приготовлениях к венчанию. Мы с Керн уединились и, постелив шубу на пол, вымочили ее нашими соками.

Позже, когда ее отец стал восхищаться при гостях отзывчивостью своей дочери, рассказывая о ее голых похождениях по морозу во имя дружбы к моей сестре, я, чтобы не расхохотаться ему в лицо, бросился к Керн и спрятал свой хохот в поцелуе, стараясь придать ему вид братского.

Дельвиг поступил с ней, конечно, ловчей и сделал из нее вторую жену, с коей первая стала лучшей подругой. Это оказалось ему не под силу, и две жены в конце концов уморили его. Произошло это в год моей женитьбы, и это было дурным предзнаменованием. Надо было мне повременить и жениться на следующий год. Может быть, мне все-таки удалось бы уехать за границу и женитьба расстроилась бы.

* * *

Женитьба принесла мне в жизнь нескончаемую заботу о деньгах, увеличивающуюся с каждым годом, с каждым новым ребенком. А это значит, что я все больше и больше становлюсь подвластен ненавистным мне людям, и в первую очередь государю. Ростовщики дают мне деньги под N. драгоценности, а государь — под саму N.

Он хочет, чтобы N. танцевала у него перед глазами, иначе у него на свою законную стоять не будет. Он думает, что если бы он дарил мне день-

ги за это, то это было бы торговлей женой, а так как он дает мне в долг, то это должно успокаивать мою совесть. Дудки! Я и до тебя доберусь после Дантесика. Пока мне необходимо смириться, но скоро мое положение изменится. Вот «Современник» скоро начнет давать деньги, хоть и занимаюсь я им скрепя сердце.

Жажда избавиться от власти денег заставляет заниматься делами мне противными, то есть я попадаю в зависимость от успеха чуждой мне деятельности. Я должен превращаться в торговца, выжимать из Вяземского лишнюю сотню за мебель, продавать дурацкую статую Екатерины хитрецу Мятлеву, брать на себя управление имением, которое безнадежно разорил отец, тратить время моей жизни на бездарных писак, желающих увидеть свое имя напечатанным.

И все это, надо признаться, безуспешно, ибо не может быть успеха в деле, которое ненавидишь. Дело нужно любить, как женщину, и тогда дело, даже ничтожное, представляется важным и увлеченность им приносит счастье и успех. Любовь придает значительность всему, что ни делаешь ради нее, и она награждает независимостью от всего прочего, что вне ее.

Я должен сказать, что я — счастлив, пока пизды распахиваются передо мной и пока я могу писать в своем кабинете, в предвкушении следующей пизды.

Отсутствие денег раздражает меня, но не в силах сделать меня несчастным. Раньше я думал, что нет ничего, чему нельзя было бы научиться, и я стал старательно раздумывать над путями добывания денег. Потом я понял, что это — как

поэзия, которой научиться нельзя; и в деньгах необходим талант и вдохновение. Теперь я твердо знаю, что мне никогда не заработать достаточно денег литературными трудами, а на других путях меня ждет неудача, ибо я бездарен в добыче денег. Богатых родственников, от коих я мог бы ожидать наследства, у меня нет, и потому в будущем я не вижу ничего утешительного. В конце концов государь простит мне долги, и я вынужден буду согласиться, поскольку долг уже будет таким большим, что увеличивать его размеры будет в той же мере неприличным.

* * *

Теща послала тыщу рублей на рождение Сашки. Если бы N. рожала быстро, как кошка, то можно было бы иметь неплохой доход, но тещиной щедрости все равно бы надолго не хватило. Есть ли что унизительнее, чем просить у Дмитрия одолжить мне часть денег, которые он сам взял в долг у Голицына с моей помощью. Я ненавижу ростовщичество, а оно везде, где приходится добывать деньги. Я не могу, не умею, ненавижу быть торговцем! Моя голова должна быть свободной для сочинительства, а обязанность семейного человека — держать голову заполненной говном, иначе Муза и Венера лишат мужа всякой добродетели в глазах общества.

* * *

Вот уж больше года, как бедная Полинька умерла от горячки после семи недель мучений.

Видит Бог, я не хотел в нее кончать, но она молила меня оставаться в ней, иначе она не могла кончить. Я предлагал ей родить и обещал позаботиться о ней и о младенце. Но она понимала, что тогда ей пришлось бы уехать, а она хотела во что бы то ни стало остаться у нас в доме. Какая-то бабка расковыряла ей утробу железным прутком, и у Полиньки не останавливалось кровотечение, которое перешло в горячку. Ну, что я мог поделать? Я уже не мог ничем ей помочь. Я привел своего доктора в больницу, где она лежала, но он сказал, что никакой надежды нет.

Как сладко вспоминать ее преображение из тихой скромной девушки в ненасытную вакханку, лишь стоило мне проскользнуть в пизду. Она находилась так низко, что Полиньке приходилось закидывать ноги мне на плечи. Это она сказала: «Как хорошо, что у тебя, барин, широкие плечи». И меня осенило, почему узкоплечие мужчины не нравятся женщинам. Полинька теряла разум и только безостановочно шептала «еще, еще, еще...», пока глаза у нее не закатывались. Бедная, сладкая Полинька.

* * *

Я уже давно присмотрел пистолеты у Куракина и время от времени захожу к нему полюбоваться на свою смерть. Я гляжу в черноту дула, где притаилась моя судьба, и спрашиваю: «Когда?» Два пистолета, лежащие в футляре, напоминают мне две шестерки, помноженные друг на друга, это мои 36 лет в 36-м году, и 6 от N. — 24 года (2 + 4). Дьявольская цифра, страшно мне ее.

Но два пистолета напоминают мне также и любовников, лижущих друг другу дивный срам. Повсеместная близость любви и смерти говорит мне, что смерть сладка, как любовь, и не надо ее бояться.

* * *

Женщины в свете домогаются меня тем пуще, чем большим успехом в свете пользуется моя жена. Им лестно отдаваться мне, тщеславясь, что я предпочел их такой безупречной красавице, каковой является N. Они сами начинают считать себя красивее и неотразимее, чем они есть на самом деле.

* * *

Идалия давно влюблена в меня, и мы с N. посмеиваемся над нею. N. уже перестала ревновать меня, она относится к моим взбадриваниям на стороне как к неизлечимой болезни. А кто знает, может быть, и как к смертельной болезни.

Полушутя я сказал однажды N., заметившей пылкие взгляды, бросаемые на меня Идалией, что та хочет, чтобы я запустил ей руку под платье. N. усомнилась, что это мне будет позволено. Я заверил ее, что нет ничего проще, и предложил быть свидетельницей. N. согласилась при условии, что не будет никакого насилия и что Идалия не должна знать, что N. все видит. У меня мгновенно созрел план. Я попросил N. завязать на балу разговор с Идалией и вести его так дружески и занимательно, чтобы при разъезде гостей

предложить ей ехать в нашей карете для продолжения разговора. N. справилась с поручением замечательно — она сама увлеклась и загорелась. Мы трое сели в карету. Я сел рядом с Идалией, а N. напротив. Идалия позволила себе удивиться вслух, почему я не сел рядом с женой, на что я сказал:

— Считайте это знаком гостеприимства, моя жена привыкла к нашей карете и не боится темноты в ней, а вы — гостья, и вам может стать боязно.

Было так темно, что я едва различал N., да и то лишь потому, что на ней было светлое платье. Мы вели оживленный разговор, злословя о похождениях известной всем нам особы. А я тем временем положил руку на колено Идалии. Она вздрогнула, но продолжала говорить как ни в чем не бывало. Она не знала, заметила ли N., и делала вид, что ничего не происходит. Я тоже не знал, видит ли в темноте моя близорукая мою доблесть, но очень хотел, чтобы она заметила.

Идалия взяла мою руку и стала отрывать ее от колена, но она боялась прикладывать заметные усилия. Пользуясь этим, я стал задирать сбоку ее платье. В то же время я рассказывал очень смешной анекдот, который я вспомнил специально для этой ситуации. Я жестикулировал одной рукой, старательно работая другой. Все от души хохотали. Я хохотал особенно громко, раскачиваясь всем телом, что дало мне возможность прорваться рукой к ее ляжкам. Все, что она могла теперь делать, это сжимать колени. Я уже добрался до ее тайных волос и пальцем проник между ног.

И тут наступил момент, который я особенно

люблю в игривой борьбе за пизду. Это момент, когда я захожу так далеко, что женщина вдруг решает, что дальнейшее сопротивление слишком обременительно, и, вместо того чтобы отчаянно сжимать колени, расслабляется и разводит их. И моя рука, только что боровшаяся с сомкнутыми ляжками, вдруг провалилась во влажную от пота и желания промежность. Но случилось непредвиденное — я своим длинным ногтем царапнул ей пизду. Идалия вскрикнула, а я выдернул руку. N. вынуждена была откликнуться и озабоченно спросить, что случилось. Идалия, видно, подумала, что я поцарапал ее нарочно, и пожаловалась N., что я позволяю себе вольности. Мне пришлось оправдываться перед N., что я в пылу разговора по-дружески положил руку на колено Идалии. Та недовольно пыхтела, но не посмела сказать, в чем состояла истинная причина ее недовольства.

К тому времени мы подъехали к дому Идалии, и я совместил слова прощания с просьбой извинить меня, составленной в таких иронических выражениях, что мне даже послышалось, будто N. прыснула со смеха. Чтобы сгладить мою дерзость, она бросилась прощаться с Идалией, убеждая, что нечего обращать внимания на такую мелочь и что она меня совершенно к Идалии не ревнует. Это признание взбесило ее еще больше, и она в гневе удалилась в свой дом.

N. не видела моей победы и выразила в ней сомнение. Тогда я поднес ей к носу мой палец. «Она, наверно, неделю не мылась», — зло сказала N., признавая мою победу.

С тех пор ненависть ко мне Идалии росла с

каждым днем. Но Идалия возымела уверенность, что N. ничего не заметила, и продолжала отношения с ней. А за глаза она при всяком удобном случае выражала соболезнования «бедной N.», которой приходится губить свою жизнь с «уродливым развратником». Это она предложила Дантесу свою квартиру для свидания с N., а потом сама сообщила мне о нем в анонимном письме. Я тотчас узнал запах духов, который исходил от бумаги. Я не раз уже получал письма с этим запахом. Сколько злобы и ненависти рождает в женщине пренебрежение ею. Ведь если бы я ее выеб после того случая, а не посмеивался над ней, она по-прежнему была бы влюблена в меня. Я тогда был занят слишком многими бабами, и на Идалию у меня просто не было времени. Если бы она меня вежливо попросила, я бы, конечно, не отказал, но толпега была уж слишком неуклюжа со своей страстью.

Мне ли не знать, что нельзя грубо отказывать женщине, которая предлагает себя. Выебав раз-два, ее нужно убедить, что ты покидаешь ее против своей воли и вовсе не ради другой женщины, а в силу таинственных и роковых обстоятельств, и тогда она навечно сохранит о тебе светлые воспоминания. Но что еще важнее, она будет готова отдаться тебе опять, когда ты объявишься в ее спальне, клянясь, что ты пренебрег судьбой, чтобы вновь оказаться у ее ног. На это поддаются самые умные женщины. Что же прикажете делать, если, пока не солжешь, женщина тебе не поверит.

Но у меня не хватает характера для такого дальновидного поведения, мне всегда хочется

беззаботно и поскорее оборвать надоевшую связь и завязать новую.

На этот раз я нажил непримиримого врага, и поделом мне.

* * *

Дантеса, которого нужно убить, мне вдруг становится жалко. Ведь он избалованный шалопай, которым помыкает подлый и грязный старик. Я не могу винить Дантеса за страсть к N. — я просто завидую его страсти, которой сам лишился.

* * *

Болезнь матери сблизила нас, разнесенных друг от друга жизнью. Приближавшаяся смерть соединяла нас вновь.

Мать тяжело переживала наступившую старость и не переставала страдать, вспоминая свою молодую красоту. Сидя рядом с ней, умирающей, я предавался воспоминаниям детства. Прошлое являлось желанным, но безнадежно утерянным. Я вспомнил постоянную жажду ласки от матери, я хотел прижаться к ней, чтобы она обняла меня и поцеловала, но она лишь сторонилась меня. Мать не любила меня, она любила Левушку.

Помню, когда я, лет трех, вбежал утром в спальню и увидел мать, лежащую на кровати. Тело ее было обнаженным, она лежала на спине, положив руки за голову, и смотрела в окно. Она медленно повернула голову ко мне и снова отвернулась к окну. А мои глаза сами уставились на черные волосы посреди белого тела. Меня обо-

жгло это виденье, и я бросился вон из спальни. Но по сей день я вижу эту картину перед глазами.

Мать очнулась и сказала мне, улыбнувшись сквозь слезы: «Не успела я привыкнуть к старости, как уж умирать пора». Когда она отходила, я успел шепнуть ей, что мы скоро встретимся. Она очень боялась смерти, и я хотел успокоить ее тем, во что глубоко верю. В ее глазах блеснула надежда, будто я пообещал ей выздоровление.

Она умерла, и я почувствовал, что часть меня умерла вместе с нею. Мать, которая дала тебе жизнь, умирая, забирает ее с собой, и та малая часть, что остается в твоем теле, только ждет случая, чтобы прекратиться, а душа — слиться с душой матери. Мать заслоняла меня от смерти, а умерев, она оставила меня со смертью лицом к лицу.

Когда мать уже не вставала, я однажды застал у ее кровати рыдающего отца. Я впервые увидел его рыдающим. Это горестное зрелище перевернуло мне душу. Я бросился к отцу, обнял его за плечи и поцеловал его в голову. Все мое раздражение против него исчезло перед его беспомощностью и слабостью. Я могу легко разгневаться на человека сильного или на старающегося казаться сильным, но когда я вижу человека плачущего, жалость к нему преодолевает все остальные чувства. А тут еще был родной отец.

Слезы полились из моих глаз от боли в душе за свою черствость и обозленность на отца. Его скаредность, себялюбие, упрямство простились и забылись во мгновенье. Мать протянула руку,

отец взял ее в свою, а я накрыл их руки своей. Так восстановилось единство между нами, которое было утеряно из-за нашей, но прежде всего моей, нетерпимости. Мы плакали втроем, предчувствуя близкую смерть, одиночество и испытывая ужас перед неотвратимым. Я вновь обрел мать и отца, но, увы, ненадолго.

Только тогда для меня вполне открылась заповедь о любви к своим родителям. Они есть причина моего существования, и если я не люблю их, то невозможно любить и себя. А чтобы быть в мире с собою, надо любить себя. Но нельзя любить следствие, ненавидя причину. Ненавидеть родителей своих — значит ненавидеть жизнь, в которую они тебя принесли.

Невыносимо видеть плачущих стариков родителей, которым ты бессилен помочь в горе. Теперь, каким бы несносным отец ни был, я всегда буду видеть в нем отца рыдающего, с трясущимися плечами.

Когда я вез гроб с моей матерью в Святогорский монастырь, я знал, что везу хоронить себя. Это предчувствие не оставляло меня ни на минуту. Комья земли, падавшие на гроб, отдавались болезненными ударами сердца. Я посмотрел на голубое небо и почувствовал, что душа мамы смотрит на меня. Я улыбнулся ей и произнес шепотом: «До скорой встречи».

Мне представляется совершенно ясно, что на том свете происходит слияние душ детей с душами родителей. Моя душа сольется с душой моей матери, а ее душа — с душой ее матери и так далее, пока слияние не дойдет до Адама и Евы, а там души Адама и Евы возвращаются в Божию

благодать, неся в себе души всех будущих поколений. Поэтому Бог представляется мне ящерицей, которая выстреливает длинным языком, а он и есть история человечества. Язык остается какое-то мгновение высунутым, чтобы достичь некой цели (словить муху), а потом возвращается обратно восвояси. И что это за цель, ради которой мы посланы на землю? (Уж не шпанская ли мушка?)

Я не сомневаюсь в цели моей жизни, когда ко мне приходит Муза или Венера. Но визит их недолог, и стоит им уйти, как душевные муки охватывают меня, и мне не найти ответа даже на более простой вопрос: как жить дальше? Уж слишком жизнь моя становится сложна, все нити моих поступков завязываются в узлы, и мне их не распутать. Но жить с ними я не могу, так что мне надо их рубить.

* * *

Даже ревнуя красивую любовницу, мужчина не перестает наслаждаться ею. Красавица жена, напротив, приносит мужу нескончаемые заботы, ибо наслаждение очень скоро становится пресным и обладание красотой тешит только твое тщеславие.

А мужчины вокруг исходят слюной и семенем, чтобы вкусить пизды твоей жены, и следуют за ней по пятам, как кобели за сучкой. На долю мужа выпадает нудная обязанность охранять жену от посягательств, ограждать ее от соблазнов, заботиться о ее чести и своем имени. И чем красивее жена, тем большее посмешище ожида-

ет мужа в случае ее неверности, потому что, чем красивее жена, тем больше людей наблюдают за ней, тем больше кобелей ждут своей очереди. Не слишком ли это дорогая цена за владение красотой, которая перестала тебя волновать?

* * *

Чем отличаются помыслы о грехе от совершенного греха? Помыслы являются к нам помимо нашей воли, но грешим мы по своей воле. О чужих помыслах нам знать не дано, и мы можем дознаться о них только через свершенные поступки. Часто и свои собственные помыслы мы тщательно запрятываем от себя так глубоко, что сознание не в состоянии различить их. Нет сомнений, что грех начинается с помысла о нем, и единственное препятствие на пути от помысла ко греху — это наша воля, которая слаба. Чем сильней и явственней помыслы, тем труднее удержаться от греха, особенно если представляется возможность его совершить.

Флирт, настойчивое ухаживание — это способ придавать силу помыслам женщины об измене. Это постоянное испытание ее воли. Опытный соблазнитель знает, что воля женщины имеет свои пределы, и единственное, чего он хитро добивается от женщины, это ее позволения на продолжение ухаживаний. Легкомысленные и глупые женщины соглашаются на лестные притязания, не понимая или не желая понимать, что они соглашаются на осаду своей крепости, население которой слабеет от голода и жажды и ворота которой норовят распахнуться навстречу желанному врагу.

Опытный муж не может оставаться безучастным, он должен отстранить от жены упорного соблазнителя, что я и делаю. Но свет делает все, чтобы ввергнуть женщину во грех. Свет создает идеальные условия для беспрепятственного флирта, он радостно приравнивает в своем мнении помыслы о грехе к самому греху, упрощая роковой шаг и порочно полагая, что сопротивляться помыслам бесполезно и невозможно. Поэтому сплетни и слухи имеют силу поистине случившегося, и мне приходится защищаться от сплетен с таким же ожесточением, как от прямых оскорблений.

Будучи холостым, я за это любил свет, а женившись — возненавидел. Теперь же мои чувства перемешаны: я в свете пользуюсь чужими женщинами, но не хочу, чтобы пользовались моей.

Для меня лично помысел о грехе равняется самому греху. То ли оттого, что помыслы мои так сильны (вследствие моей поэтической натуры?), то ли из-за того, что нет у меня характера, но стоит мне помыслить о какой-нибудь бабе, как разум покидает меня, и я делаю все, чтобы овладеть ею.

Жену свою я уважаю прежде всего за ее способность сопротивляться своим помыслам, в коих она мне признавалась, а особо тем, в коих у нее не хватило духу признаться или хватило ума не признаваться.

Но в N. мне невыносимы даже помыслы, так как сквозь веру в нее просачивается сомнение, вызванное сомнением в себе. «Неужели она действительно не такая, как я?» — вот какой вопрос я то и дело задаю себе. И когда я отвечаю: «Да,

она иная», — на меня нисходит покой, а за ним и вдохновение. Но последнее время все чаще просится ответ зловещий, и разум покидает меня. Нет! Не походи на меня, моя N.! Будь иной, будь сильной и верной! Пожалей меня! Страсти убивают меня, и чую, недолго осталось.

То, в чем мне призналась N., ей привиделось во сне, а в снах объявляются помыслы, даже если наяву мы себе в них не признаемся. Значит ли это, что у меня нет причин для ревности? Но раз этот сон запомнился, значит, он перенесся в явь и стал помыслом особенно опасным, так как желание побывало не только в яви, но и во сне. О чем снится, того желается.

* * *

Оказывается, не зря государь проезжал под нашими окнами. N., пьяная, призналась мне, что, когда я уезжал из Петербурга, она встречалась с ним наедине. Она давала ему знак, когда я уеду, открывая левую штору. Она проговорилась, когда я для разнообразия решил не ебать ее, а попросил подрочить. «О мой Николай!» — засмеялась она, но тут же спохватилась. «Что? — вскричал я. — Какой Николай?» Она мгновенно протрезвела, и краска залила ее лицо и шею. Она стала клясться, что верна мне, и призналась, что он заставил ее дрочить ему, обещая, что ничего большего требовать от нее не будет. По его понятиям, он не изменял своей жене и убедил N., что она, лишь дроча ему, не изменяет мне.

Я хотел тотчас броситься во дворец, но N. повисла на мне и мольбами и рыданиями удержала

меня. Я решил немедля и сполна расплатиться с долгом казне, но и здесь он унизил меня, предпочтя держать меня в долгу и, сохраняя за собой власть, оскорбить меня, простив долг.

Я явился к государю на следующий день и сказал, что знаю все и что я решил драться с Дантесом, так что пусть он воспользуется случаем, чтобы убить меня. Иначе... и тут я посмотрел ему прямо в глаза, и тогда я понял, что он не будет препятствовать дуэли. Если я убью Дантеса, следующим должен быть он. Я убежал из дворца, чтобы не натворить глупостей. Упаси меня, Бог, от цареубийства. Убей меня.

* * *

Не чудо ли, что совершенно чужая мне женщина близка тем, что у нее есть пизда. Башкирка, которую я встретил во время своего путешествия, едва могла произнести несколько исковерканных слов по-русски, но поняла меня с полувзгляда, а я понял ее. Я подарил ей колечко, и она вышла ко мне ночью в степь. О, как мы понимали друг друга!

Любовь, подобно смерти, уравнивает раба и господина и стирает все различия между людьми. Да, ее пизда находилась там же, где и у русских женщин, и пахла так же звонко. Хуй и пизда как золото, с которым можно прийти в любую страну и жить богато, не зная ни языка, ни местных обычаев. В иноплеменной стороне чувствуешь себя чужестранцем только из-за мужчин, так как для общения с ними нужно знать их язык. Во всякой стране я хотел бы найти страну амазонок.

Отец башкирки стал звать ее; она выскользнула из-под меня и убежала в темноту. Это было очень кстати, ибо я уже сам подумывал, что пора ее отослать домой. Так я и не смог запомнить ее имени.

* * *

Есть тайны души, которые человек уносит с собой в могилу. Но жизнь семейственная состоит из тайн двух душ, а значит, сохранить тайну труднее.

Без тайны нет семейственной жизни, но после того, как жизнь окончится, придет конец и тайне.

* * *

По-прежнему, когда я пишу у себя в кабинете, моему воображению являются видения изведанных пизд. Видения так явственны, что мне кажется, будто я чувствую запах каждой из них. Мое тело пылает от желания, и тут входит N. Желание мое привычно исчезает.

N. что-то спрашивает, я отвечаю, и она уходит. Я уже не заставляю себя овладеть ею. Мои фантазии разгораются опять, и я, чтобы вкусить их прелесть, дрочу с закрытыми глазами.

* * *

Похоть в человеке появляется, так сказать, изнутри. В детстве для ее появления не нужна пизда, просто я обнаружил, что у меня есть хуек, прикосновение к коему приносит бесподобное

удовольствие, а продолжительное прикосновение приносит сладостные судороги. Потом мне открылась призывающая красота пизды, ее слюнявая радость от моего хуя и чудо соития, происходящее по пословице: один ум хорошо, а два лучше, только применительно к телам.

Если жениться на первой пизде, она может стать надежным убежищем и не позволит дальнейших открытий вроде: два тела хорошо, а три лучше. Если жить обособленно от других семей и всяческих женщин, то есть если образ жизни твоей делает первую пизду также и последней, то ослабление похоти привычкой, а потом годами не вызовет у тебя ни удивления, ни сожаления. Эти вехи жизни пройдут незамеченными, поскольку жизнь твоя насытилась одной пиздой и не познала способа поддерживать похоть на высшей точке, меняя пизды. Тебе кажется, что ты научился обманывать время, не давая своим чувствам стареть, ибо всякая новая пизда вновь превращает тебя в юношу. Но волшебство сие не дается безвозмездно. Семейственная жизнь такого человека быстро отнимает у него молодость желаний, которую он умудрялся поддерживать, будучи холостым. Ему, изнеженному разнообразной изощренной пищей, теперь приходится довольствоваться пусть прекрасным, но единственным блюдом, подаваемым ему еженощно.

По счастью, ебля не еда и без нее можно прожить по многу дней, не умерев от голода. Поэтому я через несколько недель после женитьбы воскрешал похоть не разнообразием пизд, а простым отказом на несколько ночей от пизды единственной. Другими словами, моя увядшая похоть

могла расцвести в ту же ночь от новой пизды или через три ночи от пизды N.

Замедленно возрождающаяся похоть к законной пизде слабеет не только в силе, но и в красках, которые уже никогда не возвращаются в полной мере.

Чем больше женщин имел в холостой жизни, тем большая жертва от тебя требуется после женитьбы, а значит, тем сильнее ты должен любить, чтобы эта жертва не была тебе в тягость. В жертве этой и заключается кара за беззаконную еблю. Я думал, что кары можно избежать, имея любовниц. Но тогда неминуемо распадается семейственная жизнь, основанная на уважении супругов.

Вместо того чтобы увезти N. в Михайловское, я все оттягивал отъезд, чтобы быть поближе к борделям и свету, и радостно хватался за вялое сопротивление N. В результате она потеряла ко мне уважение, не говоря об интересе, и остается верной лишь из чувства собственного достоинства.

* * *

Увидев пизду впервые, я испытал не столько тягу проникнуть в нее, сколько благоговение перед ней. Прежде чем ткнуться в нее хуем, я, влекомый неведомой силой, поцеловал ее, и наградой за этот порыв было познание ее вкуса и аромата. С тех пор у меня создался ритуал — всякую новую пизду я прежде всего целую. Часто поцелуй затягивается, пока она не кончит.

У меня никогда не было желания говорить о

пизде брезгливо или грязно, и мне было удивительно еще в Лицее слышать непочтительные, пренебрежительные слова о ней. Многие гусары во всеуслышание заявляли о своем отвращении к запаху пизды. Я горячо вступался за нее, и все сулили мне большое будущее, помимо поэтического. Для меня всякая пизда была и есть святыня, принадлежит ли она светской даме или дешевой бляди.

Помимо похоти и благоговения, пизда всегда вызывает во мне умиление, подобное тому, которое испытываешь, глядя на маленького ребенка, котенка или щенка. Я думаю, что исток умиления к младенцам лежит в их недавнем пребывании в пизде. Она дает волшебный отсвет на все, только что побывавшее в ней. Как я завидую моему хую, которому выпало счастье забираться в сердце пизды. О, если бы я мог залезть в ее глубины языком, носом, глазами!

* * *

Не в силах быть верным жене, я превыше всего ценю верность в чужих женах и непреклонно требую ее от своей. Я даже начертал образец для нее в Татьяне. И N. старается изо всех сил. А еще говорят, что она не любит мою поэзию.

Такое же самое почтение я испытываю к силе характера, коим я не обладаю, но восхищаюсь им в других. При холостой жизни слабость характера не заботила меня, хотя я и признавался себе в ней. Я располагал своим временем, деньгами, желаниями. Я мог проваляться весь день в постели, проиграть ночью свой годовой доход, а под

утро выебать красотку, несмотря на то, что она, наверное, больна. Несколько недель лечения не смущали меня, если женщина поистине красива и если желание достаточно сильно. Если ради одной ночи с Клеопатрой отдавали жизнь, то в наше время пристало поступиться хотя бы некоторым неудобством ради обладания красотой.

Теперь, обремененный семьей, я не располагаю временем, ибо должен содержать семью (в основном занимая деньги), и я должен скрывать и сдерживать свои желания. С желаниями я перестал справляться совершенно, и потому жизнь моя наполняется ложью, криводушием — я должен скрывать от общества свои страсти, ибо, что прощалось холостому, не прощается женатому и честь семьи страдает. Последнее время честь семьи меня волнует больше, чем сама семья. Мне чудится, что, сохраняя честь, я сохраняю семью от полного распада. Но надо признаться, что безудержность моих желаний доконает нас, и я стараюсь это скрыть ото всех, затыкая рот всякому, кто осмелится сказать что-либо предосудительное. Надолго ли меня, такого, хватит?

* * *

Нетерпение — вот мой бич. Если желание разгорается во мне и оно обращено на какую-то женщину, то я хочу взять ее сию же минуту. Я не могу заставить себя держаться в рамках приличия, и это, слава Богу, большинству женщин нравится. Ухаживать я могу только за теми, к кому я равнодушен.

Если женщина отказывает мне, я обозлеваюсь

на нее и впадаю в мрачное настроение, из которого меня может вывести только другая женщина, благо без особых усилий.

* * *

Вспоминаю самые острые наслаждения, и мне приходят на память не свои наслаждения, а моих женщин — их наслаждение становилось моим.

Одно воспоминание особенно часто встает у меня перед глазами: Ам., раскачивающаяся у меня на кончике языка. Похотник у нее был величиной с вершок. Стоило дотронуться до него, а тем паче взять в рот, как она совершенно забывалась от сладострастия. Она стояла на коленях надо мной, а я засосал его в рот и мучил языком. Ногтями я в то же время легко поцарапывал ей соски, а ладонями чуть осаживал назад, так как Ам. в жажде кончить так тяжело упиралась лобком в мой рот, что верхняя губа моя, прижатая к зубам, затекла. Но я и не думал останавливаться, это было бы бесчестным по отношению к женщине. Я любовался изменениями ее лица. Волны наслаждения накатывались на нее, каждая последующая сильнее предыдущей, и жилы на ее шее напрягались от усилий дотянуться до некогда запретного плода.

Голова ее склонилась набок, рот раскрылся в потугах, и вдруг из уголка рта вытекла капля слюны и, растягиваясь в воздухе в длинную струну, окропила мне лоб. Ам. в это мгновенье раскрыла глаза, увидев пред собой распахнувшиеся на мгновенье врата рая, и исторгла восторженный стон. С тех пор слюна, вытекающая из ее

открытого рта, и то, что Ам. даже не заметила этого, стало для меня одним из захватывающих воспоминаний.

Если бы N. знала, что многие мои порывы страсти были вызваны не ее прелестями, а этим воспоминанием, она бы охладела ко мне еще быстрее.

Досадно вместо жены представлять других женщин, чтобы заставить кончить себя и ее. Новая любовница действует на меня благонравно: я так увлечен новой масленой пиздой, что верен ей даже в мыслях. Не важно, что верность длится недолго, ведь можно обрести новую верность — новой пизде.

Для меня стало привычкой представлять пизду из прошлого после того, как N. кончит, и тогда я быстро кончаю сам. Без этого шершавое равнодушие жениной пизды, которая похотью превращается в чавкающее болотце, не наращивает моего желания достаточно сильно. Я уверен, что N. думает о Дантесе, чтобы поскорее кончить, хоть прямо она мне об этом никогда не говорила. Но я однажды рассказал ей об одной своей фантазии, на что она мечтательно произнесла: «Как хорошо, Пушкин, что я не могу читать твоих мыслей, а ты — моих». И я, как муж, почувствовал свое бессилие предотвратить мысленную измену жены. Если я не могу вызвать в ней любовь, я хочу обрести силу управлять женою, хотя бы с помощью магнетизма, и внушать ей чувства, угодные мне. Но и здесь нужна внутренняя сила и сосредоточенность, которых у меня и в помине не бывало.

* * *

Вскоре я встретился с Дантесом, и опять в том же месте. Я в тот вечер выиграл много денег, был сильно навеселе и в прекрасном расположении духа. Я сидел в гостиной с девицами, раздумывая, какую выбрать. Вошел Дантес и, увидев меня, направился ко мне с широкой улыбкой. Помню, я подумал тогда с торжеством, что у меня зубы белее, чем у него. Я улыбнулся ему в ответ и пожал его протянутую руку. Тогда он только начинал ухаживать за N., и я в этом видел явление скорее нормальное, чем предосудительное.

— Все дороги ведут в пизду, — сказал он. — Нам давеча так и не удалось поговорить, и я очень рад, что Бог или, вернее, дьявол опять предоставил нам случай.

— Добро пожаловать! — сказал я, показывая на бедра Тани, сидевшей у меня на коленях.

— А это хорошая мысль, — обрадовался он, садясь рядом с нами на диван. — Я угощаю! Нет приятней знакомства для мужчин, чем через посредство одной женщины.

В тот момент я проклял свою женитьбу, ибо сразу услышал в этой шутке намек на N. Но я был в благодушном настроении, так как у меня на коленях сидела Таня. Не понимая по-французски, но прекрасно понимая язык любви, она ерзала, ощупывая твердость моего хуя, и в то же время строила глазки Дантесу. Он положил руку ей на ляжку, и во мне вспыхнула ревность. Я пристыдил себя — нельзя же ревновать блядь, тем более если он взялся платить за нее. Но мне нра-

вилась злая сила ревности, и я решил, что если я не позволю ему платить за нее, а заплачу сам, то тогда он не будет сметь прикасаться к ней, ибо она, хотя и на время, но моя собственность, моя крепостная.

Я снял руку Дантеса с Таниной ляжки и сказал:

– Я не беру подачек даже в виде блядей!

– Вам виднее, – с улыбкой сказал Дантес и удалился в другой конец комнаты. Не схвати Таня в то мгновенье меня за хуй, я бы дал ему пощечину за двусмысленное «вам виднее», но ее искусные пальчики направили мои мысли в иное русло.

Через день N. получила записку без подписи, где ей доброжелательно сообщалось о моих визитах в известный дом.

Она показала мне записку с улыбкой, но глаза ее особенно заметно косили, как это случалось в минуты негодования. К тому времени мы уже договорились, что она позволяет мне отлучки к блядям. Но я не поделился подозрениями насчет автора этой записки. Позже, когда Дантес стал не давать N. прохода, я сказал ей, кто написал записку, надеясь, что посещение Дантесом борделей оттолкнет ее от него, как оттолкнуло от меня. Но от него ее ничто не может оттолкнуть. Я вижу, как она трепещет при виде Дантеса, и я восхищаюсь силой ее характера, выбирающего долг и отвергающего страсть. Но при напористости Дантеса она не сможет держаться вечно, и поэтому мне нужно ей помочь. Как горько мне об этом писать. Я заговариваюсь и повторяюсь, я помню, я уже писал об этом, но у меня нет времени перечитывать и исправлять эти записки.

* * *

Если бы Бог не дал нам детей, нас бы теперь ничто не связывало, кроме привычки, которой N. тяготилась бы больше, чем я. Ведь в нее влюблены, и она влюблена, и тогда через привычку переступают очень легко.

Когда мы с ней оказываемся одни, нам не о чем говорить, кроме как о долгах или о детях. Общих интересов у нас нет, уважения и почтения ко мне она больше не испытывает — я для нее стал обыкновенный потаскун, — и похоть друг к другу у нас почти исчезла. Во мне еще осталось тщеславие от обладания ее красотой, но оно не стоит всех невзгод, на меня свалившихся. А у нее лишь растет раздражение моим уродством. Если бы у нас не было детей, я бы использовал это как предлог, чтобы расстаться.

* * *

Когда ебешь новую женщину, то кончаешь от страсти, а когда ебешь жену, то кончаешь от трения. Страсть — это похоть, обожествленная трепетом. В браке трепет истлевает, и остается хилая похоть как неизбежная дань физиологии.

Только женившись, я понял, насколько страсть духовна. Душа требует трепета, который обретается лишь в новизне. Стремление к новизне равносильно стремлению к знанию, от коего Бог предостерегал. Если знание греховно, то и все новое порочно. Потому крепость семьи зиждется на традиции, древних обычаях. Вторжение в брак новизны, нового знания только разрушает

его. Каждая измена — это обновление греха познания.

В браке духовность трепета к жене не исчезает, а перебирается в детей, превращаясь в их души. Не потому ли Католическая Церковь, ведая о выхолащивании трепета в браке, считает еблю с женой греховной, если она не имеет целью забрюхатить жену. Такой запрет продлевает жизнь страсти, ибо срок воздержания настолько велик, что, когда супруги дорываются друг до друга, чтобы зачать очередного ребенка, их привычка забылась и трепет ожил. Через месяц, два трепет опять исчезает и заменяется привычкой, но к тому времени жена опять забрюхатела, и ебля в силу запрета должна прекратиться.

* * *

В одном из последних анонимных писем приведено доказательство измены N., которое сперва показалось мне неопровержимым. В нем упоминается родинка на внутренней стороне правой ляжки, увидеть которую можно, только когда N. разводит ноги. Я бросился на N. с кулаками. Она визжала и клялась, что верна мне. В комнату вбежала Азя и повисла у меня на руке, занесенной для удара. «Вот смотри!» — крикнул я, сунув ей под нос письмо. N. лежала на полу и рыдала. Азя, моя любовь и умница, пробежала глазами письмо и воскликнула:

— Ему Коко рассказала про родинку!

N. подняла голову и, всхлипывая, сказала:

— Это точно она! Когда я была маленькой и только стала сама ходить на горшок, Коко тыка-

ла пальцем мне в родинку и говорила, что это кусочек говна пристал.

Тут мы все расхохотались, и я стал молить прощения у N.

* * *

Юный супруг, почувствовав страсть к чужой женщине, впадает в панику: «О ужас, я разлюбил жену!» — и, что самое глупое, объявляет об этом жене. Он благородно покидает брачное ложе и ебет где-то новую пизду день и ночь. Потом он начинает чувствовать, что любовница осточертела ему куда больше, чем жена, и что, по сути, он никогда не переставал любить жену. Он возвращается к жене, которая, покобенившись, принимает его в мягкие объятья.

Когда же он опять прельщается новой пиздой, до него доходит, что страсть к другой женщине ничуть не уменьшает его любви к жене, а, наоборот, подстегивает ее и что говорить об этом жене вовсе не следует. Неопытность отождествляет любовь со страстью. Но зрелый муж знает, что там, где любовь, там нет страсти, ибо любовь длится, а страсть — мрет. Основа любви не приспособлена для страсти, которая селится только на ее поверхности. Торжество любви в сопротивлении страсти, возникающей к нелюбимой женщине, а слава любви — в смирении перед смертью страсти во имя верности. Любовь в развитии своем целомудренна, ибо отлучает от себя страсть.

У меня хватило ума додуматься до этого, но не хватило характера, а следовательно, и любви, чтобы удержаться от соблазна новой жизни. Ведь

новая женщина — это новая Ева, новая жизнь. Всякий раз, когда предо мной открывается невиданная пизда, новая жизнь распахивается перед моими глазами, жизнь, полная приключений и захватывающих чувств. Срок новой жизни может быть пять минут, а может быть и месяц, но в любой из них есть все жизненные этапы: рождение, юность, зрелость, старость и смерть. Мое рождение происходит не из пизды, а в пизду, и в ней я воспроизвожу утробную жизнь, которой жил до своего рождения. Наши судороги подобны родовым схваткам, но для страсти — это роды в смерть. Так что погружение в пизду — рождение, а выход из нее — смерть. Такова жизнь страсти. Но есть еще и зачатие страсти, которое происходит в утробе сердца от соития взглядов, и есть еще воскрешение страсти из смерти. И все это тайна великая.

* * *

Если ты решился не изменять жене, то самое тяжелое — это согласиться, что уже никогда (жуть берет от этого слова) не испытать трепета перед новой пиздой. Есть «никогда», с которыми мы ничего поделать не можем, а должны с ними сжиться: «никогда» молодости, «никогда» красоты. А вот обет верности — наша воля. Для невинного юноши обет верности соблюдать легко, ибо ебля для него не существовала раньше и есть награда за верность. Но я-то знал, что пизда доступна за деньги, за похоть, а не только за верность. Мой образ жизни изменился так резко, что я был как рыба, выброшенная на берег, которая,

может быть, лишь первое мгновенье испытывает новое приятное ощущение – тепло от солнечных лучей, но потом начинает задыхаться.

Женитьба стала для меня чудовищем, которое завлекло доступностью и законностью пизды, а потом убило трепет к ней привычкой и с помощью обета верности не допускало оживить трепет другими пиздами. Я отрубил одну голову чудовищу. Но у него осталось еще две: верность жены и дети.

* * *

Не всегда я осмеливался идти навстречу предсказанной мне судьбе. Не пошел бы и теперь, да честь вынуждает. Признаюсь, что бегал я от белокурого офицера на балу, ибо смотрел он на меня с наглостью. Помню, как я сторонился белокурого Муравьева. И теперь бы убежал, будь я холост.

* * *

На балу Геккерен подошел ко мне и подал записку, сказав, что это исключительно важно. Я решил посмотреть, до какой степени он готов унизиться, чтобы уладить дело. Мне было легко, ибо я решил идти до конца при любых обстоятельствах. Я будто бы нечаянно выронил записку, принимая ее. Видя, что я не делаю движения поднять ее, Геккерен, кряхтя, нагнулся сам, поднял записку и опять протянул ее мне. «Напрасно трудитесь, барон, – сказал я и снова бросил ее на пол, – я вас еще не так унижу». Я видел, что ему

стоило большого труда сдержать себя и не броситься на меня. Я рассмеялся ему в лицо, повернулся и ушел.

Теперь я мучаюсь любопытством: что же было в той записке?

* * *

Сила магнетизма присуща не только глазам, но и пизде. Сперва я не могу оторвать от нее взгляда, затем я выполняю ее приказание ебать ее, а потом она погружает меня в сон. Но, говоря серьезно, моя страсть к магнетизму так ничем и не увенчалась. N. не желала поддаваться моим опытам. Турчанинова научила меня приемам магнетизма, и я хотел с их помощью разжечь потаенные страсти у N. и выведать ее мысли. Но она не желала сосредоточиться, ее разбирал смех, а у меня в конце концов не хватило терпения. Мой хуй магнетизирует лучше, чем я.

* * *

С N. получилось бы то же самое, что и с Лизанькой, которую я когда-то взял с собой в Михайловское. N. не знала бы, что с собою делать, маялась бы и тосковала, а я бы писал, без всякого желания развлекать ее. Потому я просто боюсь брать N. в деревню. Для меня же отказаться от света это значит отказаться от источника, из коего я вылавливаю красавиц, что, помимо пизды, обладают роскошным ее обрамлением, отсутствующим у женщин из простонародья.

* * *

Когда я впервые увидел Дурову, я сразу уверился, что она гермафродит. Не будь она такой старой, я бы ее соблазнил — уж очень любопытно посмотреть, что там у нее между ног. Она говорила о себе в мужском роде. Жила она в дрянном номере у Демута, и я предложил ей перебраться на мою квартиру, так как мы жили тогда на даче. Я все примерялся, как нагряну к ней и уговорю раздеться или пойти со мной в баню. Ее преклонение предо мной настолько очевидно, что я бы без труда склонил ее к этому. Но переселение ее сорвалось, и это было к лучшему.

Закончив свой визит к ней, я решил поцеловать ей руку. Дурова покраснела до корней волос, а я почувствовал себя Дантесом, целуя руку женщине, которая считает себя мужчиной и представляется Александром Андреевичем.

* * *

В любом из нас есть избыток хорошего и дурного. Счастье семейственное, уважение и любовь супругов высвобождает чувства добрые и удерживает проявление дурных. Но лишь увянет любовь, исчезнет уважение, как говно начинает переть изо всех дыр.

* * *

Пыл, нетерпение, дрожь — вот что убеждает меня, что я еще жив.

* * *

Нередко ко мне приходила мысль: а что, если N. умрет от родильной горячки? Сквозь ужас от этой мысли я спокойно представлял мгновенное освобождение ото всех забот. Детей я бы отдал на попечение Ази, государь простил бы мои долги, устроив обеспеченную жизнь для детей N. Нет, это не горячая мечта, это холодная мысль, и посему я от нее легко избавляюсь и даже не корю себя. Я уже давно перестал пугаться святотатственных мыслей, которые заглядывают в мою голову.

Я так же легко представляю себе N. в случае моей смерти на дуэли. Неутешно рыдающая в течение недели-двух, она постепенно придет в себя и начнет улыбаться продолжающейся жизни и, наконец, впервые после моей смерти (через месяц? три?) решится потеребить похотник. Она будет успокаивать себя, в трауре, что это не грех, ибо она думает обо мне, а не о Дантесе, как это было при мне, живом. Года через два она выйдет замуж, и я, оттесненный временем, не смогу уже прорваться в ее мысли в часы сладострастья, даримого ей новым супругом. Но когда она впервые почувствует его хуй и невольно сравнит его с моим, то дай Бог, чтобы сравнение было в мою пользу, ибо память пизды для меня не менее важна, чем память сердца.

* * *

В первую нашу ночь мы с N. повздорили, и это было еще одним плохим предзнаменованием.

Несмотря на мою осторожность, N. вскрикнула от боли, а увидев кровь, перепугалась, сжалась в комочек, но мне показалось, что она притворяется, чтобы больше не давать. Меня же один раз только раззадорил, и я не мог удержаться, чтоб не приступить к ней опять. N. сжала колени и стала ныть, что ей больно. Я уговаривал ее, что больше не будет больно, но она упрямо отворачивалась от меня. Тогда я позволил ей лечь на живот, и она расслабилась, думая, что в таком положении ее пизда недосягаема. Я стал гладить ее ягодицы, невзначай раздвигая их. Промежность была в сладкой крови, которую я жадно вылизал. Она спросила, что я делаю, будто осязания ей было мало, чтобы понять, и, не получив ответа, спрятала лицо в подушку. А я тем временем нацелился, смочил хуй слюной и проскользнул в пизду одним махом. N. вскрикнула: «Мне больно!» – и попыталась перевернуться на спину. Но ей было не под силу справиться с моей похотью, если я сам не мог с ней справиться.

«Потерпи, моя красавица», – шептал я ей в горящее ушко, стараясь не двигаться резко. Из глаз ее потекли слезы, и тут я кончил.

«Тебе тоже больно?» – спросила моя участливая супруга, почувствовав мои содрогания. Мне было трудно убедить ее, что движения, принесшие ей боль, принесли наслаждение мне. Но когда я захотел ее снова, она уже не подпускала меня ни с какой стороны. Я хотел сесть на нее верхом, а она, защищаясь, согнула колени и хватила меня по яйцам. Я рассвирепел и решил ее проучить. Рано утром я ушел из квартиры и весь день провел с друзьями, оставив N. одну, чтоб

впредь неповадно было отказывать мужу. Вечером я застал ее заплаканную, напуганную и покорную. Она была уверена, что я оставил ее навсегда, и так была счастлива моему возвращению, что отдалась мне безропотно, уверяя, что ей уже совсем не больно.

* * *

Всю свою жизнь я не мог найти в себе силы убить человека. На всех дуэлях я позволял противникам стрелять первыми, а потом я либо отказывался от выстрела, либо стрелял в воздух. Я верил, что Бог хранит меня, и ему я вверял свою жизнь. Пули миновали меня.

Если бы поединок можно было бы начинать сразу же после вызова, то тогда все было бы иначе. А то ко времени дуэли моя злоба проходила, и дуэль уже не представлялась мне отмщением за оскорбление, а была просто рискованной игрой. Умом я понимал, что врага надо убить, иначе он убьет тебя, но решиться на убийство мне не позволяло сердце. В бою есть жар, который увлекает стремительным движением, и ты убиваешь сгоряча. Дуэль же предприятие холодное, искусственное, с условиями и правилами, которые раздражают мысль, а не чувство. Убийство на дуэли для меня нетерпимо хладнокровно. Мое великодушие и прощение слаще, чем убийство по правилам.

Когда я вижу дымок из пистолета противника и чувствую, что пуля пролетела мимо, радость жизни окатывает меня с ног до головы, и я счастлив поделиться этой радостью с бывшим противником, пренебрегая своим выстрелом. Если бы

пуля попала в меня, то, я уверен, ненависть бы снова вспыхнула во мне и я бы из последних сил прицелился и выстрелил во врага.

К моменту дуэли причины, ее вызвавшие, всегда начинали мне казаться ничтожными, и только боязнь бесчестия заставляла меня доводить дело до конца. Но упоение жизнью после дуэли бывало настолько сильным, что в периоды сплина я подумывал о дуэли как о лекарстве, которое хорошо бы принять. Так и получалось, что меня оскорбляли в дни моего мрачного расположения духа, и дуэль служила мне вместо кровопускания, но бескровного.

Я завидовал моим противникам, которые находили в себе силы стрелять в меня. Единственным желанием, которое я испытывал, являясь на место поединка, было желание, чтобы все поскорее закончилось. И теперь меня страшит это чувство. Никто мне так не мешал в жизни, как Дантес. Тут уже не может быть и речи о примирении, и кому-то из нас придется умереть. На этот раз я не поддамся своему дуэльному благодушию, и для этого я не даю своей злобе утихнуть. К счастью, Дантес заботится об этом даже больше, чем я.

Если б я убил кого-нибудь раньше, я бы чувствовал себя гораздо уверенней. Но я также знаю, что, если я убью человека, жизнь моя уже не будет прежней, ибо я обрету способность убивать хладнокровно. Впервые я понял это еще в Лицее, когда обнаружилось, что мой Сазонов совершил семь убийств. С тех пор меня занимала мысль о том, что за изменения происходят в человеке после убийства. До сих пор я сожалею, что не вызвал Сазонова на откровенный разговор. Я стал искать

дуэлей, чтобы испытать себя, поставив перед необходимостью убить человека.

В «Онегине» я осмелился убить Ленского и воплотить в поэзии то, что, возможно, мне никогда не удастся в жизни.

Условия поединка с Дантесом должны быть беспощадными, и это должно вынудить меня на смертельный выстрел.

* * *

Панический страх находит на меня, если я вдруг оказываюсь без женщины, готовой для меня раздвинуть ноги. Чувство это подобно страху ныряльщика, который может лишь недолгие мгновенья находиться под водой и ощущать себя рыбой. Он спокоен, ибо знает, что, когда ему потребуется воздух, он всплывет на поверхность и вдохнет полной грудью. Но если какое-то препятствие помешает ему вынырнуть, он начинает задыхаться и смертельный страх пронзает его.

Так и я ныряю в бесконечный океан забот. И я вдыхаю полной грудью, когда предо мной распахивается пизда. Если же ее нет, я начинаю задыхаться. Это происходит, когда я уезжаю от N. или когда она отлучается от меня. Одиночество делает из меня сатира.

Бляди — мои спасительницы в такую пору, и поэтому я не смею оказаться без денег.

* * *

Вот уже давно я не только не возражаю, а бываю рад, когда N. ездит на балы одна. Стоит ей выйти за порог, как я устремляюсь к свежей пизде и, ебя, представляю, как я буду дома поджи-

дать N., раздевать ее, усталую и потную после танцев, а потом всуну ей пару раз, прежде чем дать хуй в рот, чтобы пиздяной запах, бывший на нем, казался ей своим.

Но однажды я поторопился, не сделал этой маскировки, а прямо приставил ей хуй ко рту. Она взяла его и тут же возмущенно отстранилась. «Ты пахнешь другой женщиной», — сказала она и подняла на меня загоревшиеся глаза.

Я, не давая разгореться гневу, повалил ее на спину.

— Это Азя, — соврал я, — вот ты и познакомилась с сестричкой.

N. поуспокоилась: Азя была дозволенным компромиссом. Но до конца смириться она, конечно, не могла и стала мстить мне, рассказывая, что в танце Дантес фантазировал, шепча ей на ухо, как произойдет их первое соитие.

Тут я взбесился и закричал, что буду стреляться с ним. N. ухмыльнулась.

— Ну, и по ком же ты будешь плакать? — ехидно спросил я.

— По том, кто будет убит, — ответила она серьезно.

— Это ответ не жены, а бляди, — произнес я беспощадно.

— Блядун — ты, — невозмутимо парировала она, — а я, дура, все еще верна тебе.

— То-то же, — успокоился я, вновь поверив ей.

* * *

Желание может рождаться от переполнения семенем, без всякой мысли о пизде. Желание может быть вызвано думами о пизде или, нако-

нец, видом пизды. Я окружен желанием со всех сторон, и нет ему предела.

* * *

Дантес завидует мне. Женившись на К., он хочет, как я, добраться и до других сестричек. Он на вечере громогласно пил за здоровье N. Я подошел к К. и сказал во всеуслышание: «Пей и ты за мое здоровье». К. покраснела до ушей и выбежала из залы. Дантес вышел за ней, и я чувствовал себя отомщенным.

* * *

Чтобы иметь деньги, надо их любить, а я их лишь уважаю за власть. Они это чувствуют и не идут ко мне в руки. Я люблю женщин, и они отвечают мне взаимностью. Я люблю поэзию, и Муза от меня без памяти. Я люблю игру, и она приносит мне наслаждение, несмотря на проигрыши. Даже в них есть наслаждение, ибо они часть игры. Так что в моих проигрышах нет несправедливости: деньги ко мне по-прежнему не идут, а любимая игра дает радость. Мысль благословенная.

* * *

Я смотрел на покойную Смирнову и примерял, как бы я ее поставил раком, а руками упирался бы в горб для удобства. Уговорить ее мне было бы просто, но все случая не представлялось. А как было бы славно: она бы мужчину познала, а я бы – горбунью.

* * *

Когда я вижу горячие взгляды, которые государь направляет на N., я так же горячо смотрю на государыню, стараясь, чтобы он заметил. Я хочу, чтоб он связал в уме, что его страсть к чужой жене отзывается моей страстью к его жене. Бьюсь об заклад, что он заметил и потому перестал гневаться, когда я пренебрегал его приглашениями на балы.

У всех своих любовниц-фрейлин я допытывался, присутствовали ли они при раздевании императрицы, и выспрашивал подробности о ее теле. Царь доиграется со мной, и я ему выложу о ее шраме на правой груди.

Теперь и за это мне мстит судьба — Дантес расспрашивает К. о теле N.

* * *

Как увижу блондина подле N., так начинаю задирать его. Мной движет желание проверить предсказание: заставить его сбыться или отступить в безопасное прошлое.

Так и во всем я хочу доводить разрушение до конца, если оно не залечивается само. Если пуговица на одежде чуть ослабевает, я не даю ей висеть спокойно, я кручу и верчу ее, пока она не отрывается. Если у меня вскакивает прыщ, я выдавливаю его, не дожидаясь, пока он созреет. Если с кем-либо возникает спор, я непременно довожу его до дуэли.

* * *

Читая Де Сада, я понял истоки его извращения, которые в своем начале могут вызвать умиление, как маленький львенок. Но упаси Бог дождаться, когда он вырастет, и по-прежнему считать льва безопасным только потому, что ты видел его львенком.

Нередко N. очень трудно кончить. Вот-вот желанные спазмы взорвутся в теле, но тело не выдерживает напряжения ожидания, и наслаждение опускается в низину, из которой мне опять приходится толкать ее вверх, к небесам. Чем дольше длятся потуги, тем наконец достигнутые судороги более похожи на боль, чем на наслаждение. Боль, приносящая облегчение, — это ли не одно из определений наслаждения? N. тем не менее предпочитала такую боль прекращению моих усилий ее вызвать.

Если граница между болью и наслаждением у женщины так зыбка, то, приняв наслаждение за боль, она и боль сможет принять за наслаждение.

Однажды, когда N. мучилась дразнящей недоступностью судорог, я укусил ее в грудь, и она кончила. Следы моих зубов заставили ее около месяца носить закрытые платья, чем она вызывала неудовольствие всей мужской части света. Я же вошел во вкус и сильно щипаю ее. На днях я чуть переусердствовал. N. рассвирепела и ударила мне коленом по яйцам. Я согнулся пополам, и сквозь боль пронеслось воспоминание нашей первой ночи. Только теперь она ударила умышленно.

Она испугалась не на шутку и стала суетиться вокруг меня, плача, причитая, не зная, что пред-

принять. И тут N. приняла мудрое решение – она просунула голову между моими коленями, прижатыми к животу, схватила хуй в рот и стала его так ублажать, как никогда прежде. Сначала боль в яйцах довлела над всем, и я еле сдерживался, чтобы не отпихнуть N. Скоро боль пошла на убыль, подавляемая наслаждением, но все еще существуя и придавая ему новую окраску.

– Вот тебе и Де Сад, – промолвил я мечтательно.

– Что? – переспросила N., заложив хуй за щеку.

* * *

Женщины подчиняются власти желания, власти денег и власти силы. Многие женщины медлительны и вялы в своих желаниях, поэтому Бог дал мужчине в помощь силу и деньги. Сила и деньги, умело употребляемые, отдают тебе женщину, а тут тебе и карты в руки – ты теперь должен возбудить в ней желание, которое, возгоревшись, уже не будет нуждаться ни в силе, ни в деньгах.

Я вспоминаю своих дворовых девок, в особенности Оленьку. Когда я пригласил ее к себе в комнату, она жалась к стенке и шептала «пустите», но не смела не подчиниться барину. Я заставил ее выпить вина, она быстро захмелела. Я подарил ей бусы. Оленька так обрадовалась, что с готовностью бросилась меня целовать в благодарность. Но мне был нужен поцелуй желания, а не благодарности. Я сделал так, что наши языки встретились, и она затрепетала в моих руках.

Однако, когда я хотел засунуть руку между ног, она схватилась за нее обеими руками, не пуская ни в какую. «Не смей противиться мне», — приказал я ей, и она явно почувствовала облегченье оттого, что сделала все, что могла, но теперь должна повиноваться.

Потом она сама прибегала ко мне по ночам, хватала мою руку и засовывала себе между ног, вместо приветствия. Вскоре она забрюхатела. Я хотел оставить ее в Михайловском и дать ей родить, но наш мудрый Вяземский уговорил меня отправить ее со двора, а потом и замуж выдать. Повезло Оленьке.

* * *

На Кавказе я часто подходил к краю пропасти и наблюдал за своим растущим желанием броситься в нее. Я не хотел смерти, я был счастлив, но что-то отчетливо толкало меня сделать смертельный шаг. До какой степени я мог быть уверен в той части себя, которая удерживала меня от этого шага? Откуда берется моя другая часть, которая ни с того ни с сего желает собственной смерти? Может быть, зрелище пропасти настолько прекрасно, а ощущение полета настолько захватывающе, что эта другая часть меня просто забывает о неминуемой смерти, упоенная чистой красотой природы. Меня тянет броситься в пропасть не желание смерти, а полное забвение о ней.

Любой необратимый шаг вызывает страх, который тем сильнее, чем менее этот шаг обычен среди людей. Мой страх перед женитьбой успокаивался повсеместным обычаем жениться при

достижении определенного возраста. Если бы было принято в человеческом обществе бросаться со скалы в пропасть, я бы преодолел страх не с большим трудом, чем страх женитьбы. Мне часто снится, как я без страха подхожу к пропасти и бросаюсь в нее. Ощущение полета настолько сильное, что я просыпаюсь, так и не испытав его в полной мере.

Часто тяга пропасти становилась настолько сильной, что я заставлял себя уходить. Ведь, когда стоишь на краю пропасти, тяга растет с каждым мгновением. Если кто-то вздумает остаться у пропасти, она через какое-то время непременно затянет в себя.

Нечто подобное я чувствую, глядя в пизду. Я могу любоваться ею, но в конце концов брошусь в нее, и в ней желание найдет свою смерть. Но перед смертью оно испытает великий восторг полета. Разница лишь в том, что «полет» в пизде — не стремительное падение, а движение взад-вперед, позволяющее желанию не безвозвратно умереть, а умереть и воскреснуть.

Впрочем, при падении в настоящую пропасть разбивается тело, но воскресает душа. Воскресает ли? Из-за сомнения я боюсь смерти, а то прыгал бы и прыгал в пропасть.

Но остановило бы меня перед пиздой сомнение в том, что после ебли желание возродится вновь? Так меня в лицейские годы стращала М. С., пытаясь из последних сил устоять перед моим напором: мол, потом будет неинтересно. Но тяга к пизде дана мне такая сильная, что за один раз сейчас я отдам не только все разы потом, но и саму жизнь.

Хитрость этого безрассудства в том, что из-за него продлевается жизнь на Земле. Безрассудство желания броситься в пропасть тоже должно иметь свою «хитрость», которая скрыта от нас словом «смерть». Жизнь должна возрождаться в нас после смерти, как желание после ебли.

Когда летишь в пропасть, то живешь считанные мгновения, в которые ничто не влияет на твое подчинение Богу. Ты летишь в его власти, полностью освобожденный от людей и их законов. Это мгновения, когда находишься лицом к лицу с Богом еще при жизни, и уже ничто не может приостановить приближение Истины.

Так и в ебле обретаешь великую свободу, и все людские правила, обычаи, нравы исчезают перед приближающейся судорожной Истиной. Разница лишь в чувствах: сильнейшая тяга к пизде и отталкивающий, хоть и манящий, ужас — от пропасти. Но разница не столь велика, если вспомнить страх, который охватывает при первой ебле тех юношей и девушек, которые не дрочили, которых застращали, что ебля — грех. Те же, которые, невзирая на запреты, как это было со мной, готовятся ко встрече с пиздой и обучаются кончать каждый день, кто любое слово о пизде воспринимает как глас Божий, для тех первое соитие заполнено такой жаждой познания и чувством собственной правоты, что первый страх оттесняется и подавляется.

Тем же занимались стоики в своей подготовке к смерти, утверждая, что философствовать значит учиться умирать. Постоянные размышления о смерти, о том, о чем обыкновенный человек старается не думать, приводили их к состоянию

влюбленности в смерть как в избавительницу. Они были готовы умереть в любую минуту, призывали и принимали смерть со спокойствием, непостижимым для обычного смертного. Однако бесчувственность относилась только к страху смерти, и я подозреваю, что им было не избежать запретного восторга от предвкушения возлюбленной смерти, и тем самым они опять попадались в лапы чувств.

Итожа, могу сказать, что горная пропасть не совлечет меня в себя, пока пропасть пизды открыта передо мной. Любовь — это смерть в жизни. Отсутствие доступной пизды есть отсутствие «жизненной» смерти, и оно толкает на поиск смерти смертельной. Ибо человек не просто живет, а умирает и возрождается, как листья на дереве. И если ему это не удается «жизненным» способом, Бог заставляет его это делать способом смертельным.

Жизнь всячески намекает нам, что смерть не страшна, а, напротив, приятна. Нам дан сон прообразом смерти, к которому мы еженощно стремимся и который дает нам самое продолжительное забвение от жизни. Забвение нам не страшно, а желанно, ибо дает покой.

Ебля тоже намекает нам, как приятна должна быть смерть, но мы не обращаем на это внимания. Если бы нам дано было умереть дважды, то второй раз у нас уже не было бы страха. Так девственница, боявшаяся боли от вторжения хуя, но ощутившая наслаждение, второй раз уже будет гореть еблей и звать ее, не обращая внимания на ничтожность боли по сравнению с полученным наслаждением.

Потому нам и дана только одна смерть, чтобы, познав ее прелесть в первый раз, не тянуться к ней с большей силой, чем к жизни. Ведь тогда Богу было бы невозможно удержать нас в жизни, как ему не удалось удержать нас в невинности, и мы бы постоянно рвались покончить с собой. И ебля дана нам в замену многократной смерти. Чуть мы передохнем от одной сладкой смерти, как горим испытать ее вновь.

Но есть люди, одержимые идеей смерти, убежденные, что она прекрасна и что, чем быстрее она придет, тем лучше. Они стремятся убить себя, подвергаясь опасности. Во мне нет ясного желания смерти, но веду я себя так, будто призываю смерть изо всех сил. Есть люди, которые действуют напрямик — их вынимают из петли, у них вырывают из рук пистолет, но они в конце концов добиваются своего и своей рукой отправляют себя в мир иной. Для этого нужен сильный характер, коим я не обладаю. Я лучше принужу Дантеса сделать это. Может быть, если бы я раньше кого-нибудь убил, то тогда мне было бы легче расправиться не только с ним, но и с собой.

* * *

Мы благодарим Провидение, что нам не дано знать последний день нашей жизни. Такая жизнь была бы подобна жизни приговоренного к смерти в назначенный день — невыносимые духовные страдания преследовали бы нас, возрастая с каждым днем, с каждой минутой. Мы можем быть счастливы и безмятежны только потому, что последний день, существуя, нам неведом. Зная

свой последний день, я мог бы с уверенностью сказать: сегодня я в последний раз играю в штосс, вот мое последнее стихотворение, завтра моя последняя вечеринка с друзьями. И не было бы места для еще одного раза.

Женясь, мы даем клятву верности жене. Это значит, что я дал клятву, что N. будет моей последней женщиной. Будто я уже мертв для других женщин.

Жутко думать, глядя на свои руки, ноги, хуй, что после назначенного дня тело мое будет бездыханным, отданным на растерзание разложению. И если от рук и ног останутся хотя бы кости, то хуй мой, моя опора в жизни, исчезнет бесследно.

Я вижу себя, умирающего, обводящего взглядом книги, деревья, тоскующего, что больше никогда всего этого не увижу. Так я чувствовал себя через месяц после женитьбы, глядя на женщин вокруг. Но я выжил. Как писал Б.: «Я клятвы дал, но дал их выше сил». Обычаи заставляют нас клясться в том, что мы никогда не испытывали, чего совершенно не знали. Ну, как я мог клясться в вечной верности, если я не знал, что значит быть верным неделю. Обычаи пользуются нашим неведением и вымогают клятвы, о которых мы можем впоследствии только сожалеть. Клятвы в вечной любви являются лишь свидетельством силы сегодняшней любви, но ни в коей мере не являются ее гарантией в будущем.

Теперь, когда все уже необратимо поздно, я принимаю истину, которой опрометчиво пренебрег: если жена — это добровольно выбранная последняя женщина, то она должна стать от это-

го особенно сладка. Перед смертью не наживешься, и я должен был цепляться за нее, ненаглядную, ведь последняя, больше не будет!

* * *

Я осознаю свои ошибки, но не исправляю. Это лишь подтверждает, что мы можем увидеть судьбу, но не в состоянии ее изменить. Сознание ошибок есть узнавание судьбы, а невозможность их исправить есть власть судьбы. Осознание ошибки — тяжелое наказание, ибо было бы много проще считать себя правым, винить во всем других и пытаться расправиться с ними, теша себя иллюзией победы над судьбой. Но мне и этого счастья не дано.

* * *

Я люблю ярость, что легко поднимается во мне по незначительному поводу. Она дает мне волю, которая делает меня готовым к убийству. Эта воля — страшна. По счастью, она быстро исчезает. Если бы я не был связан законами чести, я бы носил пистолет у себя за поясом и стрелял бы в любого обидчика.

* * *

Последние дни N. доводит меня до бешенства — в ней я вижу причину моей несносной жизни. Вышла за меня не по любви, не по похоти, а спасаясь от пощечин матери. Люби она меня, я бы, может быть, не таскался и не воло-

чился. А теперь она еще бесчестит меня перед светом. И не делом, а глупостью своей, которая всегда выводила меня из себя, а сейчас уже невыносима. Ее красивая глупая рожа становится временами мне так ненавистна, что я не знаю, кого мне прежде убить – ее или Дантеса.

* * *

Недотрога предполагает нечистоту воображения. Невинная девушка не станет сопротивляться влечению, ибо не знает, а потому не может вообразить, к чему оно ведет. Только опытная женщина, знающая силу своей и мужской похоти, будет недотрогой, ясно воображая, как трудно будет остановиться, если дать к себе притронуться.

* * *

Когда я гляжу на свою Мадонну, во мне возникают два чувства: хочется молиться ей за ее верность и в то же время хочется ее за верность проклинать. Верность ее – это упрек моему распутству, это жестокий укор, это рана, которую она торжественно бередит. Я уверен, что если бы я не изменял ей, то она тотчас изменила бы мне.

* * *

Поиздевался над D. и выеб его любовницу. А у него был французский насморк. Заразил N. Получилось, что Дантес если не выеб N., то все-таки прикоснулся к ее пизде через меня. У нее, на счастье, была тогда сильная простуда, и я уговорил

N., что ей нужно делать ванночки с добытым мной лекарством, которое якобы снимает простуду. По ночам я мазал ей влагалище мазью, якобы для того, чтобы хуй лучше скользил. Так бы и вылечил без ее ведома. Но Азя увидела мазь и случайно раскрыла секрет.

Трещина необратимая.

* * *

Эти записки я не смею показать никому из ныне живущих, даже Нащокину. Полностью обнаженную душу не в состоянии принять даже лучший друг.

Что друг? Я сам не осмеливаюсь перечитывать написанное: слишком велик страх перед собственными безднами. Так и тянет бросить все это в огонь. Но я уже однажды проявил малодушие и сжег свои записки. Тогда я боялся каторги, а теперь я боюсь Бога. Он послал «ангела» Дантеса, — а он и вправду красив, как ангел, — покарать меня. Я уже начинаю заговариваться — с чего ни начну, все возвращаюсь к нему.

* * *

Старость — это возвращение в детство, смерть — это возвращение в рождение, в пизду. В пизду могилы.

* * *

И плевать мне на то, что у L. в мыслях или в душе, если она раздвигает для меня ноги, стонет и корчится подо мной.

* * *

Сделав порочный шаг измены, я ступил на путь, который любой последующий шаг, будь он сам по себе даже и честным, превращал в бесчестный. Этот путь для меня – путь в пропасть. В силу моего темперамента я не умею остановиться и довожу все до крайности, а крайность на этом пути ведет к саморазрушению.

* * *

О свежей беременности не принято говорить в обществе, так как она по времени слишком близка к ебле. Растущий живот переносит внимание на его содержимое, которое для общества и представляет единственное оправдание похоти.

* * *

Женщины, пахнущие пиздой, которая в сладострастии бьется, как сердце.

* * *

Я получил новое безымянное письмо, в котором сообщалось, что старик Геккерен готовит побег за границу Дантеса с К. и N. с детьми. Государь якобы оповещен и обещал не чинить препятствий, чтобы спасти N. от «сумасшедшего мужа». Я показал письмо N., и она бросилась на колени молить прощения, клянясь, что она еще не дала окончательного согласия. Я послал Геккерену письмо, которое заставило его «сынка»

вызвать меня за отца. Завтра дуэль. Вполне возможно, что копии письма посланы и другим людям. Теперь, после диплома, они жалеют меня и ничего мне не сообщают. Но я вижу взгляды затылком, слышу шепот за спиной.

Я прочел письмо Азе. Только она мне близка. Она спросила, не разучился ли я стрелять, и стала умолять меня немедля идти упражняться. Женись я на ней, все было бы иначе.

Как мне хочется убить Дантеса хотя бы для того, чтобы прийти на его похороны и рассмеяться в лицо старику.

* * *

Сегодня отдыхал с Зизи. Видеть N. не хотелось совсем. Мое равнодушие к ней ослабило бы смысл моего решения драться. Получалось бы, что я ставлю свою жизнь на карту ради продолжения семейственной жизни, полной забот и бедной восторгами, а не ради свободных страстей, которым я посвятил свою жизнь.

Сперва Зизи не хотела давать, и мне пришлось рассказать ей о поединке. Я отрезал у нее пучок волос с пизды. Возьму с собой, по пути буду вдыхать аромат и вспоминать Тригорское. Когда я кончил с ней в последний раз, каждый выплеск семени мне казался выстрелом.

Пушкин А. С.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайные записки А. С. Пушкина. 1836–1837: Пер. с фр. / Публ. М. И. Армалинского. – М.: Ладомир, 2001. – 169 с. (Русская потаенная литература)

ISBN 5-86218-380-9

«Тайные записки» полностью публикуются в России впервые. Их главный герой, А. С. Пушкин, предстает в необычном ракурсе – в многообразии интимных связей, в непростых размышлениях о жизни, природе греха, любви и творчества, сложности жизненного пути русского поэта, приводящего его к трагическому концу. «Тайные записки» вызвали и продолжают вызывать шквал самых противоречивых оценок, многие пушкинисты считают их талантливой мистификацией. Но все это лишь подогревает к ним интерес.

Книга заслуженно считается одним из самых скандальных образцов русской эротики.

ТАЙНЫЕ ЗАПИСКИ
А. С. Пушкина
1836 –1837

Перевод с французского

Редактор
О. Г. Воздвиженская

ЛР № 064340 от 05.12.1995 г.
Сдано в набор 31.01.2001. Подписано в печать 21.05.2001.
Формат 70x90 1/32. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Гарнитура «Баскервиль»
Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 6,43
Тираж 2000 экз. Заказ № 2499.

Научно-издательский центр «Ладомир»
103681, Москва, К-681, Заводская, 6а
тел. (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с оригинал-макета
ТОО ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, Челюскинцев, 3

ISBN 586218380-9

В серии «Русская потаенная литература» вышли:

---

1. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова.
2. Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII– начала XIX века.
3. Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века.
4. Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки.
5. Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. Сб. статей.
6. Секс и эротика в русской традиционной культуре. Сб. статей.
7. Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова.
8. Народные русские сказки не для печати. Русские заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым.
9. *В. И. Жельвис*. После брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира.
10. Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов.
11. Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. В 2 т.
12. *Анна Мар*. Женщина на кресте.

13. А. П. Каменский. Мой гарем.
14. Эрос и порнография в русской культуре. Сб. статей.
15. *М. Н. Золотоносов*. Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX – XX веков.
16. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X– первая половина XIX в.). Сб. материалов и исследований.
17. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2 т.
18. «Тайные записки А. С. Пушкина. 1836–1837: *Перевод с французского*». Публикация Михаила Армалинского.

Серия издается с 1992 года.

Любые книги «Ладомира» можно заказать
наложенным платежом по адресу:
103617, Москва, Заводская, 6а, НИЦ «Ладомир»
тел. (095) 537-98-33
тел. (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Для получения бесплатного перспективного плана издательства
и бланка заказа вышлите по этому же адресу
маркированный конверт.

В серии «Русская потаенная литература» готовятся к выпуску:

В. И. ЖЕЛЬВИС

Поле брани

Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира

Монография В. И. Жельвиса — первое в России научное исследование, посвященное проблемам сквернословия. Проблема эта в последнее время приобрела во всем мире, и в России в том числе, особое значение: сквернословие стало играть настолько большую роль, что оставаться равнодушным к этому явлению общество уже не имеет права. Второе издание монографии, существенно дополненной за счет нового материала, ставит своей целью привлечь внимание к «бранной пандемии», показать ее истоки и причины, сравнить в этом плане стратегию и тактику различных национальных культур и заставить задуматься о дальнейших путях этического развития человечества.

Автором исследованы инвективные стратегии более чем пятидесяти языков мира, привлечен богатейший материал современных исследований в области социологии, психологии, этнографии, физиологии, этологии и других наук.

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

«Чтоб знали!»

Первое (не считая мелких пиратских публикаций) представительное издание произведений Михаила Армалинского на исторической родине. В том избранных сочинений автор включил стихи из нескольких сборников, написанные как еще до отъезда из СССР в 1976 году, так и в США, рассказы из трех книг, опубликованных в США, – «Мускулистая смерть», «Двойственные отношения», «Гонимое чудо», роман «Добровольные признания – вынужденная переписка» и эссе «Спасительница», никогда ранее не издававшееся в книжной форме, но помещенное в Интернете. Михаил Армалинский – один из немногих русских авторов, посвятивших все свое творчество проблеме сексуальных взаимоотношений во всем их спектре – от грубых случайных соитий до мучительно-утонченных любовных историй. В стихах и прозе Армалинского также удивительным образом отразилась проблема сексуальной адаптации советского эмигранта в свободном мире, искренняя любовь к родному языку во всем его богатстве, особенно обострившаяся в иноязычном окружении, убежденность в том, что секс – абсолют, универсальный для взаимопонимания людей, воспитанных в разной культурной среде, и для преодоления отъединенности, порождаемой современным миром в большом городе. Кроме того, весь массив помещенных в книгу произведений позволяет наблюдать за творческой эволюцией самого Михаила Армалинского за более чем четверть века – от первых стихов, напечатанных в Ленинграде самиздатом в середине 70-х годов двадцатого столетия, до крупных прозаических форм, созданных авторитетным писателем русского зарубежья. Михаил Армалинский известен в мире и как издатель, опубликовавший, в частности, скандально знаменитые «Тайные записки А. С. Пушкина», которые также впервые в России выпущены в рамках серии «Русская потаенная литература».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭРОС И КУЛЬТУРА

В 2-х томах

В двухтомнике рассматривается соотношение мужского и женского начал в разных национальных культурах на различных этапах истории. Эрос — это не только пол, секс и эротика, но и космогоническая сила Любви (и Вражды), энергия связи между полярностями жизни. Такое широкое понимание проблемы Эроса позволило авторам по-новому осветить разнообразные явления в культурах Европы и России, произведения литературы и искусства, тайны психологии творчества. «Скандинавская женщина в сагах и русская княгиня в летописях», «Чешский политический Эрос», «Феминизированный век философов», «Целомудренный Эрос», «Притягательность русской женщины», «Любовь-опора и любовь-иллюзия», «Миссия женщины как защитницы жизни», «Любовь и новая мораль в трудах А. М. Коллонтай» — таковы некоторые из исследований, вошедших в издание.

j'ai peu d'espit peuir [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~ авгуры [illegible]

~~[illegible]~~ [illegible]

~~Иль [illegible]~~ думы

И [illegible]

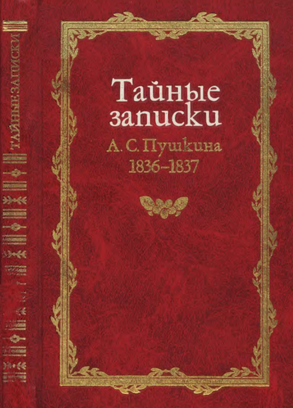
Зал [illegible]

~~[illegible]~~

~~[illegible]~~

~~[illegible]~~ ~~в [illegible]~~

[illegible]

Тайные записки
А. С. Пушкина
1836–1837
ТАЙНЫЕ ЗАПИСКИ